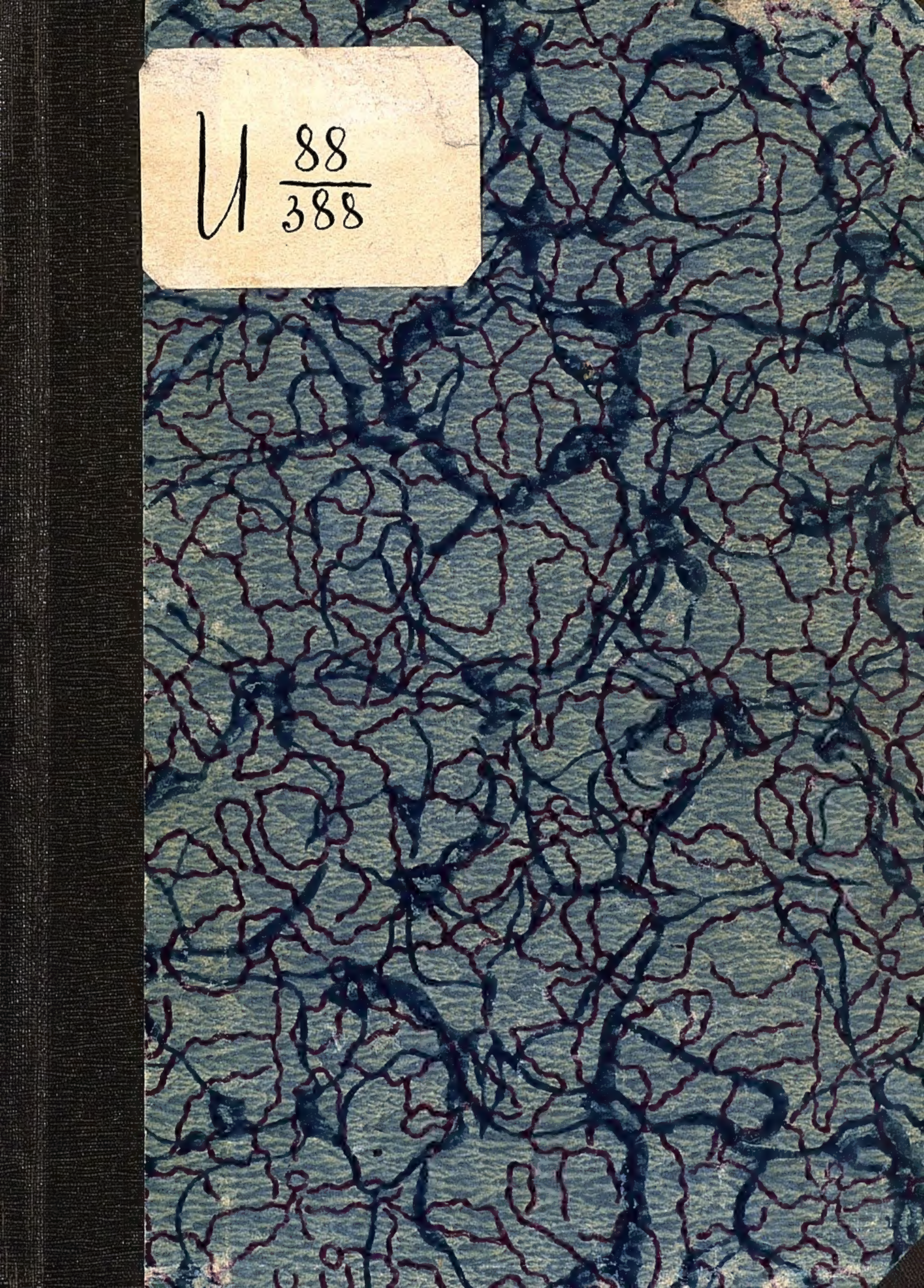
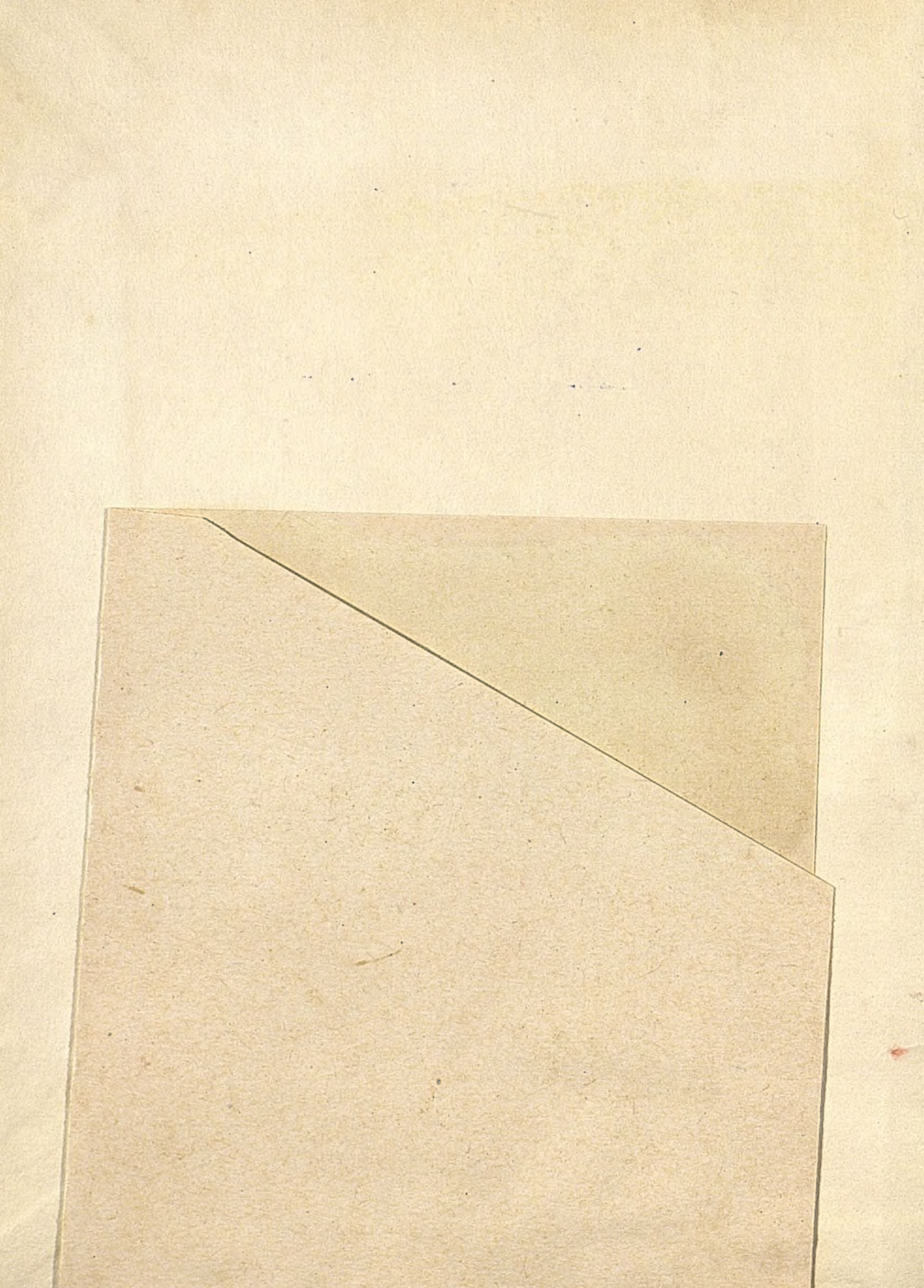
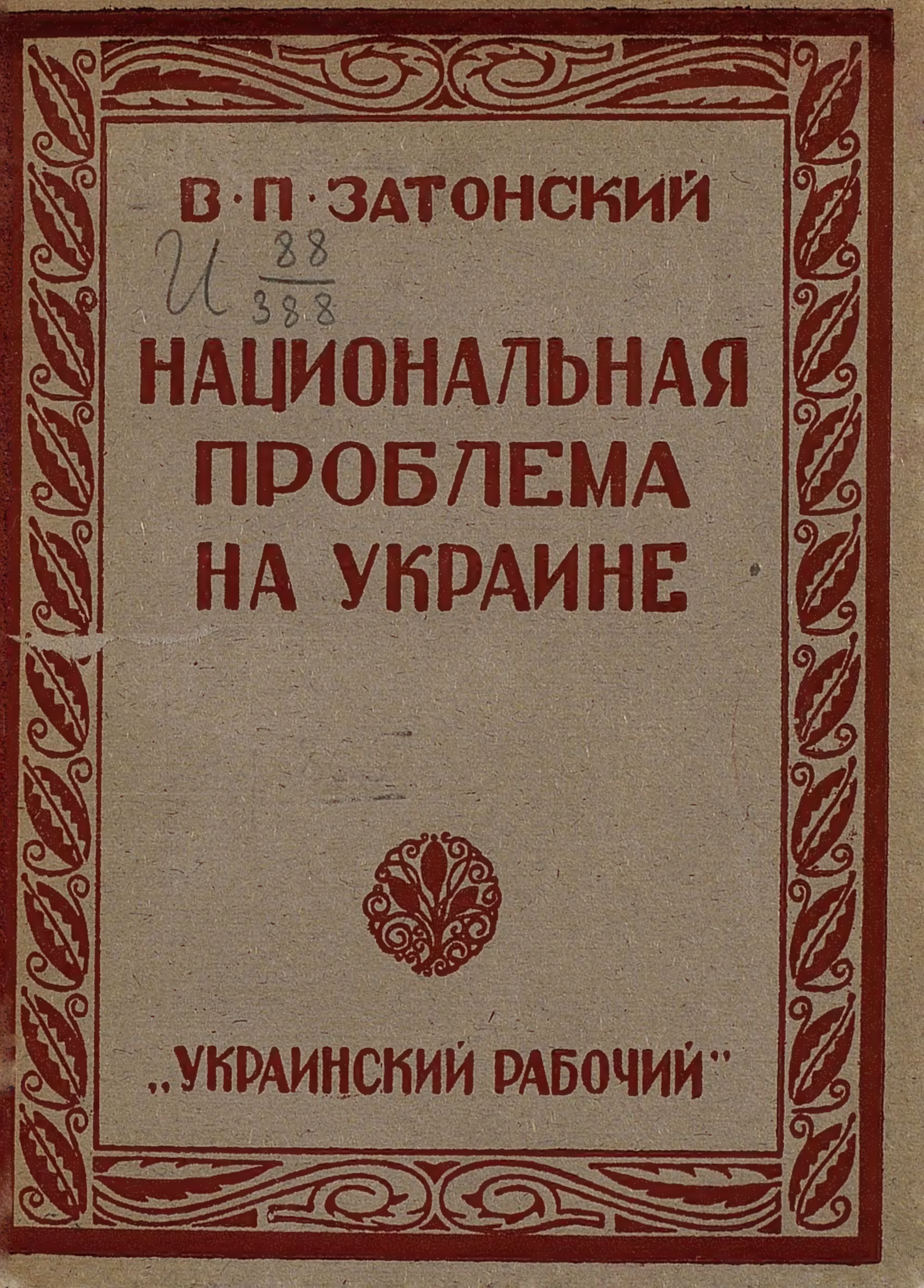

И 88/388

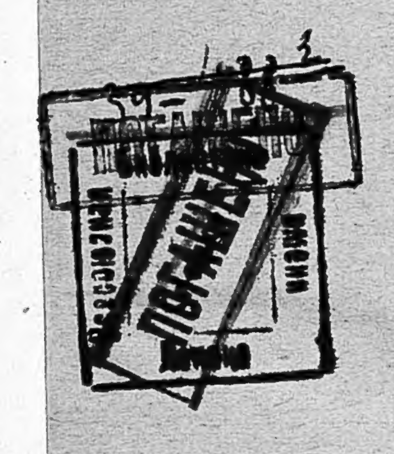

В · П · ЗАТОНСКИЙ
И 88/388
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМА
НА УКРАИНЕ
„УКРАИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

В. П. ЗАТОНСКИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НА УКРАИНЕ

ДОКЛАД НА ИЮЛЬСКОМ (1926 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК ЛКСМУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЗИСОВ ОБ ИТОГАХ УКРАИНИЗАЦИИ, ПРИНЯТЫХ ПЛЕНУМОМ ЦК КП(б)У В ИЮНЕ 1926 г.

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО

„УКРАИНСКИЙ РАБОЧИЙ“
1926

ТИПОГРАФИЯ
Рабоч. Кооперат. Изд-ва
«Украинский Рабочий»
Харьков

Зам. № 888/1388. Укрголовліт № 3874. Тираж 5000 прим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальный вопрос приобрел огромное значение в жизни—не случайно так много внимания ему уделял тов. Ленин. Теоретически любой комсомолец, не говоря о члене партии, без запинки расскажет, что мы должны сделать для далеких колоний или раздираемых национальными противоречиями буржуазных стран, чтобы направить энергию нацдвижения против капитализма; на практике не везде коммунисты умеют сманеврировать. Но вот насчет направления этого движения у нас, в нашем социалистическом отечестве, в русло социалистического строительства—на этот счет у нас часто дело обстоит значительно хуже.

Я пишу данное предисловие для русского издания моего доклада на пленуме ЦКЛКСМ Украины, следовательно для русского читателя. Как это ни странно, хотя мы все считаем себя ленинцами, однако, ленинская постановка национального вопроса у нас даже в партии мало продумана, в особенности русскими товарищами, для которых нацвопрос на практике—это что-то чуждое, лишнее,

ненужное, излишне осложняющее и без того сложную обстановку. Понятно, еслиб не было в жизни разделения на нации, различия языков и т. п., было бы много легче строить жизнь, бороться с буржуазией и т. п., но ведь это жизненный факт, отмахиваться от которого нельзя.

Если до революции, пока мы занимались работой собирания сил и подтачивания буржуазного мира, достаточно было выдвижения лозунгов, отражавших жизненные требования масс, то сейчас нам самим приходится (часто в труднейшей обстановке) эти требования удовлетворять.

Мало сказать—земля трудящимся, надо эту отобранную у помещиков, землю устроить, надо помочь на ней устроиться, организовать сбыт излишков крестьянского хозяйства, вовлечь это крестьянство в кооперацию, снабдить товарами, добиться сохранения пролетарского руководства во всем этом процессе строительства и т. д. и т. п. Задачи усложняются неимоверно и требуют активного вмешательства партии, комсомола, пролетарских организаций в такое, словно бы чуждое рабочему, дело, как крестьянское хозяйство.

Так и с нацвопросом. Нельзя от него отмахиваться, нельзя ограничиться признанием прав, а надо активно вмешаться в процесс культурного строительства. Последнее

неизбежно принимает ту или иную национальную окраску (хотя бы потому, что интернационального языка не существует—если не считать искусственного, нигде не употребляемого, эсперанто).

Так же, как в экономике—при нэпе—хозяйственное развитие совершается в противоречивых формах борьбы мелкобуржуазной стихии, частного капитала и социалистических элементов, так и в культурной области борются те же факторы, при чем нацвопрос является чрезвычайно серьезным и острым оружием, им хотят завладеть против нас наши противники. Мы должны, наоборот, взяв в свои руки строительство национальной культуры, использовать это орудие в интересах социализма.

Для этого необходимо, прежде всего, рассеять ряд предрассудков, крепко вкоренившихся (в силу ряда исторических причин) в толщу наших пролетарских даже рядов—предрассудков ложно понятого интернационализма, национального нигилизма, а то и просто руссотяпства (миленькое словечко—многим оно не нравится, но супротив Ильича не попрешь).

Само собою, что настоящая брошюра (являющаяся просто переводом стенограммы беседы с комсомольским всеукраинским активом) не может претендовать на особенную полноту

изложения. Я постарался в своем докладе изложить возможно более доступно те выводы, к каким пришел по национальному вопросу (в частности, для Украины по вопросу украинизации) июньский пленум ЦК КП(б)У, постановления которого приложены к данному изданию доклада. Заняться более основательной проработкой вопроса, к сожалению, не было возможности.

Данное издание приходится пускать в том почти виде, какой получился из моего доклада под пером стенографисток. Цифры, характеризующие достижения в области украинизации, взяты из стенограммы моего же доклада на пленуме ЦК КП(б)У.

22/VIII—26 г.

В. Затонский

Национальный вопрос настолько сложен, что с ним по одному докладу не познакомишься. Нельзя сделать такого доклада, чтобы все вложить вам в рот и чтобы вы проглотили это, как вареники со сметаной. Каждому из вас придется как следует проработать этот вопрос, и только тогда каждый из вас сможет не только для себя понять его, но и разъяснить другим.

Почему у нас есть сейчас известное заострение в национальном вопросе. Казалось бы, что для нас этот вопрос разрешен сочинениями Ленина, постановлениями партийных съездов и т. д. В частности, что касается Украины, то нет никакого сомнения в необходимости ее существования, в необходимости дальнейшего развития Украины с ее культурой; нет никакого сомнения в том, что у нас есть в этой области достижения.

У нас есть колоссальные достижения за последний год, когда партия серьезно подошла к делу украинизации.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ В ДЕЛЕ УКРАИНИЗАЦИИ

Я — кратко — не буду всего показывать, но об этом нужно знать всем товарищам, нужно чтоб об этом знали и партия и комсомол. Прежде всего, если взять формальную сторону украинизации советского аппарата, то

национальный состав правительства УССР таков: украинцев 36,3%, русских 31,8%, евреев 16,8% и других 15,1%. Владеют хорошо украинским языком 23,9%. Таких, которые совсем не знают украинского языка, — 24%; а между ними, как видите, такие, которые, читая украинскую бумагу, более или менее разбираются в ней, отвечают на нее и даже понемножку говорят на украинском языке. Теперь в окружном аппарате украинским языком владеют 67% его состава.

Делопроизводство в наркоматах находится в таком состоянии: на 1 января 1925 года 25% общего делопроизводства велось на украинском языке, а в 1926 году—уже 65%. Как видите, здесь, безусловно, есть достижения. Затем был проверен состав 19 наркоматов и выяснилось, что к I и II категории, т. е., более или менее владеющих украинским языком, принадлежит 58%, плохо владеют — 42%. Мы здесь у себя в Харькове сняли со службы 63 человека, которые не хотели учиться украинскому языку.

Это немножко подогрело плохо владеющих украинским языком и теперь процент таковых будет, безусловно, меньше.

Как обстоит дело с украинизацией школ? Если взять школы соцвоса, то мы на 1 января 1925 г. имеем 77,8% школ с преподаванием на украинском языке. Теперь количество их возросло до 80,3%. Школ с преподаванием на русском языке всего 6,5%, смешанных 4,7% остальные — с преподаванием на языках нацменьшинств. Таким образом, как видите, соцвос украинизован так, что дальше уж некуда; само собой разумеется, что некоторая часть

школ должна обслуживать национальные меньшинства — мы не можем все украинизовать. Теперь относительно детских домов: таковые украинизованы на 34 1% (почему это так — я не знаю), русских детдомов 35,3%. В общем, это мелочь, так как всего домов: украинских 254, русских 263. Надо принять во внимание, что имеется много детей из голодных местностей России.

Относительно семилеток. Тут дело лучше обстоит, чем с детскими домами. Семилеток с преподаванием на украинском языке 53,6%, на русском языке — 13,3%, а смешанных — 17,6%. Таким образом, как видите, выходит так, что вместе — смешанных и украинских — имеется 72,2%.

Ликбез украинизован на 80%, дальше украинизовывать некуда.

Профшкол на 1 января 1925 г. с украинским языком имелось 51,9%, опять, как видите, также достаточно украинизованы.

Высшее профпросвещение украинизовано уж не настолько. Техникумы украинизованы на 50%, рабфаки на 28%, и, естественно, что этот вымирающий тип школ вряд ли будет существовать в дальнейшем, институты украинизованы на 28,5%.

Все это, безусловно, крупные достижения, потому что для всего этого нужно иметь профессоров, учебники, научную терминологию и т. п. Легко сказать — украинизуйся завтра и все, но сделать труднее. Если мы в отношении институтов достигли 28,5%, то это достижение, безусловно, не меньшее, чем то, которое мы имеем в ликбезе, где украинизация достигла 80%, ибо в ликбез достаточно

прийти с одной маленькой книжечкой и украинизоваться сколько угодно.

Как украинизация распределяется по районам? В Екатеринославе украинизовано 10% учреждений Главнауки, в Харькове 29%, в Киеве 59%. Все эти учреждения Главнауки — чисто научные.

С прессой дело обстоит следующим образом. Всего не будем рассматривать, а возьмем только основную линию. В 1924 году на Украине издавалось периодических изданий на украинском языке в количестве 90.000 экз. В 1925 году на 1 ноября уже 439.000 экз, т. е. пошли вгору, а на 1 марта 1926 года тираж украинских газет достигает уже 612.000 экз Русских газет в 1924 году печаталось 445.000 экз., потом количество их даже уменьшилось до 369.000, а в настоящий момент мы имеем 420.000 экземпляров.

Получились ножницы, как и должно было быть, ибо русского населения на Украине значительно меньше, чем украинского К этому еще надо добавить и принять во внимание и ту прессу, которая издается в РСФСР, в Москве, и распространяется на Украине, т. е. 150.000 экз. «Правды», 200.000 экз. «Известий» и другие издания. Всего Украина читает до 1 мил. экземпляров русских газет. Таким образом, получается такая картина: в 1924 г. на Украине русских газет распространялось в количестве 885.000, украинских 90.000; в 1925 г.— русских 1.000.000, украинских 612.000.

Рассмотрим теперь положение дел с украинизацией книгоиздательской работы. Мы имели на Украине в 1925 году 58% тиража и 44% листов-оттисков на украинском языке, т. е.

книжек было много, печаталось также много, но они были малы, как зернышки, а русские книги были толще; теперь украинские и русские книжки поровнялись в своих размерах. Если к тому принять во внимание то, что присылается на Украину, т. е. то, что издается в РСФСР, то получается что Украина потребляет 75% русских и 25% украинских книг.

Украинская книжка не то что перегнала русскую, но даже еще ее не догнала.

Переходим к положению дела в партии. Эти сведения являются наиболее интересными. Прежде всего — общий рост партии: на 1 января 1924 года членов партии было 57.016, из них: русских — 24 432, т. е. 45,1%, украинцев — 18.084, т. е. 33,3%, евреев — 7.640, т. е. 14%. Так обстояло дело в 1924 году. Дальше на 1 января 1925 года членов партии было 101.852 из них русских — 44.190, т. е. 43,5%, украинцев — 37.537, т. е 37%, евреев — 12.072, т. е. 11,9%; На 1 ноября 1925 года членов партии было 124.547 человек, из них русских — 50.158, т. е. 40,3%, украинцев — 49.118; т. е. 39,8%, евреев — 14.607, т. е. 11.8%. Теперь, как обстоит дело на 1 января 1926 года? — На 1 января 1926 года членов партии было 151.939, из них украинцев — 66.465, т. е. 49,9%, русских — 57.004, т. е. 37%, евреев — 16.988, т. е. 11,4%. Таков общий рост. Количество евреев росло значительно медленнее, чем украинцев, количество русских росло, как вы видите, тоже медленнее, а число украинцев выросло, и сейчас, в конечном итоге, мы имеем больше 66.000 украинцев, т. е. 49,9%, русских — 37,6%, евреев — 11,4%.

Нужно еще добавить, что те сведения, о которых я говорю, составлены по анкетам, а это значит, что эти люди, возможно, и не разговаривают по-украински, но называют себя украинцами. Это уже большое достижение. Вы, наверное, думаете, что какому-нибудь пролетарию, который вырос на Украине, на украинской культуре, так просто назвать себя украинцем? Если вы так думаете, то вы глубоко ошибаетесь. Многие из них не считали себя украинцами, хотя даже и говорили на украинском языке, а теперь—наоборот. Кое-кто может и не знает украинского языка, но называет себя украинцем. Безусловно, получается определенная путаница, но она показывает динамику процесса.

Данные о составе окружных партийных комитетов показывают, что в 1923 году в уездных комитетах имелось 32% украинцев, в 1925 году появились окружные центры, мы имели тогда 37%, а теперь имеем 52,4% украинцев в составе окружных партийных комитетов. Как видите, в течение всего времени количество украинцев возрастает.

То были данные из округов, а теперь рассмотрим данные из районов. В районах мы имели в партийных комитетах 55% украинцев, а если взять села—то и 64%. Любопытно отметить, что до перевыборов было 52%, а после перевыборов — 55%, динамика во время последних перевыборов изменилась.

С партпросвещением дело обстоит таким образм. В 1924-25 г. в городах вовсе не было украинских партшкол, теперь немножечко изменилось, и мы имеем 1990 русских и 200 украинских. Было дано задание достигнуть

25% украинских партшкол, но выполнить его не удалось, и достигли лишь 10%. Почему это так? Не удалось потому, что не было книг и лекторов. Когда нет лекторов и книг, то дело с украинизацией не так просто обстоит. Это одна из причин,—возможно, и главнейших—препятствовавших достигнуть необходимых 25%. Сельской сети партшкол не было совсем.

Теперь уже сельская сеть украинизована на 55%. Здесь тоже дано было задание — достигнуть 100%, но не удалось, и остановились на 55%. Слушателей — 84% украинцев, остальных — 16%.

Только 19% городских пропагандистов владеют украинским языком. Вот почему именно украинизовано только 10% городских партшкол. Но, понятно, бывает и так, что украинцы работают в русских школах, а потому не так легко собрать и 10% пропагандистов. Из числа сельских пропагандистов 64% владеют украинским языком. Преподавателей по общим предметам, владеющих украинским языком, в совпартшколах имелось в 1924-1925 г. — 38%, в 1925-1926 г.— 72%. В настоящее время в институте марксизма мы имеем 59 аспирантов, 44% каковых владеют украинским языком. На курсах окружных работников имеется 157 слушателей. Все должны знать украинский язык, но знают его только 72%. Однако, всеж таки 72% слушателей окружных курсов, которые скоро будут выпущены, смогут проводить дело украинизации. Теперь на курсах имеется всего 8 групп, из них 6 целиком украинизованы, не укранизованы только 2.

В Артемовском университете из 40 преподавателей в прошлом году на украинском

языке преподавало всего только 10. В этом году из 50 преподавателей на украинском языке преподает 21.

Рассмотрим положение в ЛКСМУ. Вот общий рост ЛКСМУ. Теперь имеется украинцев 63%, русских — 19,2%, а последних было 29,2%. Раньше украинцев было 50,9%, теперь стало 63%. Следовательно, количество их все-таки выросло. В 1924 году русских было 29,2% теперь—19,2%, евреев было 16,4%, теперь—13,8% Таков состав ЛКСМУ. О составе актива ЛКСМУ имеются такие данные: в 1924 году в в пленумах комитетов ЛКСМУ было 27% украинцев, теперь 57,2%. Евреев было в 1924 г. 44,9%, теперь—13%, русских—19,6%.

В деторганизациях имеется теперь 56,2% украинцев (это в организации юных пионеров), русских — 18,4%, евреев — 20,4%. Таким образом, на первый взгляд, у комсомольцев как будто все обстоит благополучно. Как будто большего нечего и желать. Но так получается только на первый взгляд. На самом деле, у комсомольцев, например, имеется 3 газеты, и все они украинизованы. Но сколько их, товарищи, читается? Для примера я заинтересовался тем, сколько Сталинский округ выписывает комсомольских газет. По тем сведениям, которые мне дали, выходит, что он выписывает 7 экземпляров. Артемовский округ—немножко больше, что-то вроде 23 экз. Так что, как видите, тут у комсомольцев не все благополучно. Комсомольцам еще труднее усвоить значение крайней необходимости украинизации, чем партийцам. Это вполне понятно, ибо комсомольцы больше поддаются чувству и среди комсомольцев

больше опасности для национального вопроса. И если комсомольцы из украинских местностей чувствуют себя украинцами, или начинают чувствовать себя таковыми, то наоборот комсомольцы Сталина и Артемовска говорят, что они русские. Кроме того, эта организация вообще рабоче-крестьянская, потому-то среди комсомольцев имеется наибольшая опасность национальных разногласий. Пока еще русский комсомолец города как следует не понял необходимости украинизации, и следует отметить, что с украинизацией комсомола не все благополучно. Так, например, на съезде комсомола наблюдалось следующее: когда тов. Чубарь произносил краткое приветствие на украинском языке, то его еле слушали, а когда я начал делать доклад на том же языке, то увидел, что меня не понимают. Я выругал присутствующих как следует за то, что они до сих пор не изучили языка, и должен был делать доклад на русском языке. Подитоживаю: у комсомольцев с украинизацией дело обстоит достаточно скверно и на комсомол необходимо обратить больше внимания.

О СОСТОЯНИИ УКРАИНИЗАЦИИ В ПРОФСОЮЗАХ

Что касается профсоюзов, то со статистикой дело тут обстоит скверно. Вы же понимаете, что количество украинских школ, например, легко выяснить, количество членов партии по их анкетам—тоже не трудно, но попробуйте выяснить положение с национальным вопросом в профсоюзах.

Есть такие сведения, что в 1925 году 39% считало себя украинцами, 27,3% — евреями, 25,1% — русскими. Это в окружных профсоветах.

Теперь в 1926 году количество украинцев увеличилось до 46,8%. В фабзавкомах — это уже можно подсчитать — было 52% украинцев, а теперь стало 56,9%. Какие они украинцы — это уже другая статья. Они, возможно, даже и не говорят на украинском языке Но вот, что касается самих профсоюзов, то по их данным там имеется 41% украинцев, 38,7% русских, 13,4% евреев и 6,9% остальных. Что касается центральных правлений профсоюзов то имеются такие цифры: в 1925 году украинцев было 39%, а теперь 40%. Русских было 32%, а теперь 29%.

Я имею при себе совсем свежие данные, которые я хотел здесь преподнести и которые больше могут выяснить положение. В этих данных имеются сведения о том, кто владеет языком и к какой нации себя относит.

Например, в Кременчугском округе украинцами назвали себя 56%, из них владеют языком 32%. Интересное распределение. Среди индустриальных рабочих имеется 42% украинцев, среди работников умственного труда — 61%; как видите, служащие лучше украинизуются.

По Херсонщине имеем такие данные: 37% украинцев, из числа индустриальных рабочих владеет языком только 13%, а из числа работников умственного труда — 35%.

Далее Артемовский округ насчитывает всего 43% украинцев, из числа индустриальных рабочих 40%, из числа работников умственного

труда 50%. Из числа 40% индустриальных рабочих владеют украинским языком только 15%, а из числа 50% умственных работников — 22%.

Каменец-Подольск насчитывает 65% членов профсоюзов — украинцев. Из числа индустриальных — 52%. Какие они там индустриальные, я не знаю, но работников умственного труда имеется 59%. Украинским языком владеют 52% индустриальных рабочих и 66% умственных работников. Как видите, в маленьких округах дело обстоит как будто благополучно, а в промышленных округах — разница большая — владеет языком 19% из тех 40%, которые называют себя украинцами.

Возьмем данные анкеты, проведенной по Харькову. Здесь цифры более или менее определенные и весьма интересные. По рабземлесу украинцев — 76%, владеют языком 61%. Не так плохо. Просмотрим данные по строительным рабочим: украинцев — 37%, владеют языком—21%. Вероятно большая часть строительных рабочих прибывает из Белгородщины и Орла.

Приблизительно такие соотношения везде и всюду. Украинцами называют себя 60%, а владеют языком — 38%. Интересны данные относительно печатников. Из 42% украинцев владеют языком 13%, а набирают на украинском языке почти все.

Вот данные о кое-каких заводах, например, канатный завод: он связан с селом, на заводе много крестьян. К какой же национальности они себя относят? Украинцами себя считает 1787 человек, русскими — 537 чел., евреями 50. К другим национальностям относится 56 чел.

Что же касается языка, то украинским языком владеют 1092 человека. Русских насчитывается по национальности 537, а по языку 1430. Евреев — по национальности 50, а но языку — 21. Что касается пользования языком в фабзавкоме, то это подсчитывалось, и получается, что из 5 членов завкома один считает себя русским, а назвали себя украинцами 4. Украинским языком владеют только 2, остальные — русским языком.

Вот другой завод — «Серп и молот». Украинцев насчитывается 1446, русских 876. Что касается языка. то тут обстоит еще хуже, чем на канатном заводе. Из 1446 украинцев владеют языком только 323. Русских насчитывается 873, а русским языком пользуются 2254. Евреев 120, а пользуются родным языком 16. Интересно, на каком языке умеют читать все эти рабочие. По-украински читают 598 чел., т. е. больше чем пользуется языком. Поеврейски читают — 25 чел., по русски читают 2272 чел., т. е. почти все. Вот данные относительно состава профсоюзов.

ЧТО ЖЕ ЗА НАЦИЯ ТАКАЯ—УКРАИНСКАЯ?

Вот какая сложная вещь национальный вопрос на Украине.

Как марксисты, мы понимаем, что каждое общественное явление связано с борьбою классов, имеет свою социальную подкладку. Так и здесь. Национальный вопрос — это часть социального вопроса, часть, которая, конечно, имеет свои особенности. Кое-кто порою не понимал этого, кое-кому казалось, что нация уже отжила свой век... Какая там нация,

стоит ли копаться в старых отрепьях истории? Так, да не совсем. Нация существует. В том числе существует и нация украинская. Спокон веку Украина была колонией русского царя. Царизм вел политику руссификации. Царизм стремился объединить свою державу в великую, единую, неделимую Россию. Вот почему и выдумали названия: Белоруссия, Малороссия, Великороссия, вот почему все украинское на Украине было загнано в подполье.

Царизму кое-что удалось. но на кого имела влияние эта его политика? Безусловно, в первую очередь, как всегда, на господствующие классы. Господствующие классы на Украине первые продались царизму, продали и украинскую нацию. которая только что начала формироваться. Царизм казачьим старшинам обещал дворянские титулы, обещал нереестровых казаков превратить в крепостных крестьян. Вот эти крестьяне и остались украинцами. Высшие помещичьи круги, а с ними и интеллигенция (интеллигенция из духовенства, другой тогда не было) продались царизму. Вот они-то признали себя малороссами за те материальные выгоды, какие им давала царская власть. Царизму не удалось руссифицировать крестьянские массы отчасти и потому, что вообще уровень их культуры был весьма низким, да и русская культура на них влияла мало (разве через военную службу). Как говорил Победоносцев: — «Образование для народа вредно, так как приучает его мыслить». Я еще помню как это говорилось и проводилось в жизнь. Я был тогда в ваших летах, когда на всех языках все молчало, когда в школы кухаркиных детей не принимали, а я же не

такой еще старый человек. Потому, что просвещение считали вредным, что никакого просвещения не давали, отчасти и сохранилась украинская нация в России в то время, как такие, как лужичанская, полабская и другие кое-какие славянские нации давно исчезли, онемечились. Там шла германизация, но, благодаря тому, что там была более высокая культура и ее развитие умышленно не тормозилось, там эти нации германизовались А в России ликвидировать Украину не успели.

Высшие классы украинской общественности руссифицировались, а мужицкая масса осталась такой, какой была.

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Как относилась к украинскому вопросу российская общественность? Разумеется, чиновники, бюрократия шли «за единою неделимою» независимо от своего происхождения. Всем известно, что большинство унтер-офицеров и городовых как раз было из украинцев. Чиновники и помещики к Украине относились, как к колонии, они были «за единую, неделимую» Россию: «Хохол,—мазница, что с ним возиться».

Русская общественность иного толка, либеральные слои, предвестники буржуазного развития России, как в свое время даже Белинский, «неистовый Виссарион», — как они относились к украинскому вопросу? — Им тоже казалось, что это дело погибло навеки, что

уж нечего возрождать то, что уже умерло. Безусловно, Белинский подходил к вопросу совершенно искренно. Никто не может сказать, что он сознательно поддерживал царскую политику.

Ничего подобного, но он бессознательно отражал настроения, желания российского капитала, который нащупывал почву, расправлял крылья и вел борьбу со старым царизмом за свое развитие, за культуру, за ориентацию на Европу.

Вот эти самые русские западники не менее решительно, чем реакционеры, высказывались против всякой Украины. Они были также за «единую неделимую», но не за царскую, а за великую, могучую, цивилизованную, т. е. капиталистическую Россию. Кое-кто, и тот же Белинский, не уясняли себе, что она будет капиталистической. Но цивилизованной России они хотели искренно.

Сама-то буржуазия хорошо понимала, что «единая неделимая» еще пригодится, когда царизм падет, когда Россия станет этой самой «цивилизованной» державой.

Она смотрела на Украину, как на колонию (это не значит, что и Белинский так смотрел, но он был против всякого «сепаратизма», как против этого была великая французская революция).

Широкие круги российской общественности, даже наилевейшие радикалы, были убеждены, что с Украиной вопрос покончен, что на Украине остались только мужики. А чего мужики стоят? Куда они тянут, как не назад от всякой культуры? Отсюда отчасти и мысль, что украинский язык—только диалект великого

русского языка (кстати, языки эти одного славянского корня).

Таким образом, сознательно или бессознательно широко развился русский национализм. Мещанство, которое не видело дальше своего воробьиного носа, слепо повторяло то, что совершенно сознательно проповедывал царизм и русский капитал еще от Алексея Михайловича — 300 лет тому назад. Сознательно или бессознательно, считали, что Украины нет, остались только «хохлы».

Даже сами украинские крестьяне считали по простоте также, что русский язык — это культурный, господский язык. Если умеешь говорить и читать по-русски — можешь любым писарем стать, а хоть и не писарем, так будешь пользоватьсл газетами, книгами, то-есть всей культурою... А родной язык — мужицкий — куда он годится? Так представляли себе крестьяне, простые, темные, и сами забыли свое имя.

Спросишь, бывало, в первое время революции у украинского крестьянина: — ты кто? Отвечает: — «православный». Или и так скажет — «русский».

Да этого не понимал крестьянин не только на Украине.

А разве там, в России, не было так? Разве там не говорили — «мы калужские, рязанские» и т. д. Национального чувства не было по той причине, что сами нации выковываются, объединяются, организуются окончательно только в капиталистическую эпоху, а крестьянин, как осколок докапиталистической эпохи, никогда не принадлежал к угнетенной нации, национальным чувством он не обладает.

НАЦИИ РОЖДАЮТСЯ ВМЕСТЕ С КАПИТАЛИЗМОМ

Точнее сказать, нации выковывались в борьбе молодой буржуазии против феодальной раздробленности. До капитализма наций не было, как не было фактически французской нации в современных границах до великой французской революции. В предкапиталистическую эпоху объединялись скорее по религии. Религия была знаменем объединения тех или иных общественных групп в социальной борьбе. Формально за религиозные догмы, за Гуса, за его идеи, за святое причастие и т. п. велась кровавая борьба (по сути социальная).

В немецкой реформации шли на одной стороне немцы-феодалы вместе с чехами и т. д., на другой стороне объединялись тоже немецкая и чешская буржуазия, немецкое и чешское крестьянство, не разбирая нации. Национальные формы борьбы возникли позже, когда капитал сгруппировал человечество в большие объединения, которые отгородились от других подобных объединений таможенными границами, когда организовалась более или менее крепкая, насколько это нужно капиталу, центральная власть. Возьмем Францию. Перед великой французской революцией французов не было, как единой французской нации. Был Париж, Версаль, блестящий королевский двор, блестящая феодальная дворянская культура, но нации не было... Нормандия, Бретань, Вандея, Лион, Прованс — все эти провинции были связаны между собой не больше, чем Калужская губерния с Запорожьем сейчас же после объединения русскими царями Великой

и Малой Руси. Во время великой французской революции (буржуазной революции) объединилась французская нация. В жестокой борьбе против вандейского сепаратизма, против жиронды было организовано единое централизованное буржуазное государство.

В кровавой борьбе, где было достаточно работы гильотине, объединял капитал нацию, даже такую несомненную теперь, как французская.

В Италии молодая буржуазия, опираясь на крестьянское движение против австрийского полуфеодального царизма, возродила нацию в упорной вооруженной борьбе за национальное освобождение, в борьбе, которая дала такие романтические фигуры, как Гарибальди, но которая фактически привела к обычной буржуазной национальной монархии. В Германии процесс создания нации прошел снова иным путем. Не имея материальной силы, немецкая буржуазия начала с «духовных высот» — с перевода латинской библии на верхненемецкий диалект, который развился затем в официальный литературный и научный немецкий язык, который разнится от городских диалектов северной Германии иногда более, чем московский язык от полтавского. Немецкая буржуазия, которая не смогла проделать свою великую политическую революцию (как во Франции), раньше объединила немцев культурно (в философии, затем в науке, в литературном языке), передав дело политического объединения в руки прусского юнкера Бисмарка, который был сам из помещиков, служил королю Пруссии, а фактически творил волю немецкого капитала.

Еще раньше, и еще может быть интереснее, проходил процесс создания английской нации, которая не имела под собой никакой расовой почвы, не базировалась ни на исторических традициях, ни даже на единстве языка (или на сходстве диалектов). Норманны — завоеватели (их язык и культура были французские) — слились с местным английским населением (германского племени) в единую, несомненно смешанную, но вместе с тем несомненно оригинальную, нацию, при чем этот процесс прошел в самой Англии (кроме Шотландии и Ирландии) почти без борьбы, так как не было еще выкристаллизованных наций с развитыми национальными культурами, установившимся литературным языком и т. д., а потребности быстрого капиталистического развития, интересы товарооборота требовали политического объединения и создавали почву для объединения национального.

Совсем не сходные пути: тихое, почти естественное слияние совсем разных рас и культур в единое английское море; итальянская революционно-освободительная национальная романтика (достаточно кровавая); немецкая библия и философия и прусский сапог Бисмарка; революционная французская гильотина, которая во имя единства Франции рубила тысячами несомненно французские головы вандейских контр-революционных сепаратистов.

Потребности капиталистического развития разными путями и разновременно приводили к одному и тому же — к созданию нации. Этого требовали нужды развивающегося капитализма, который иногда использовывал

наследие прошлого, будь то общие культурные традиции или политическое единство в едином королевстве, как во Франции, иногда возрождал общую культуру (итальянская, а частично и немецкая романтика), а подчас просто без всяких предрассудков строил из того материала, который был под руками (как в Англии). Всюду крестным отцом нации был капитал, которому в его практике недостаточно было уже религиозного объединения, а была необходима в определенных границах большая легкость и крепость связи.

А для этого стали нужны: единый национальный язызк, единая нация, как наиболее благоприятная экономически-политическая предпосылка крепкого государственного объединения.

УКРАИНЦЫ — ИЗ ТЕХ НАЦИЙ, КОТОРЫЕ ОПОЗДАЛИ

Но не все нации, для развития коих уже было сложились передпосылки при первых шагах торгового капитала, успели во время капиталистического расцвета выдвинуть свою буржуазию, создать национальное государство. Им пришлось, вот как чехам, строить свою культуру в бешеной и упорной борьбе с более развитой буржуазной немецкой культурой, с государственностью. Чехи едва-едва поспели к закрытию буржуазно-национального сезона и то поспели в значительной мере потому, что использовали противоречия между враждующими группами западно-европейского капитала (или лучше сказать — существование чешской нации использовал французский империализм в борьбе с немецким конкурентом).

А кое-какие нации в эпоху капитализма так и остались неисторическими (сошли на нет), растворились среди более удачливых соседей, или же остались на таком низком (это на востоке) культурном уровне, что конкурировать с культурой «цивилизованных» (т. е. капиталистически развитых) наций было для них совершенно безнадежным делом.

Казалось бы, что процессу объединения нации и организации культуры на Украине уж не быть, что эта нация останется навсегда неисторической, мужицкой. Так казалось кое-кому, но не совсем так произошло. Еще до того, как русский царизм проглотил Украину, уже была кое-какая украинская культура. Более того, если сравнить старую украинскую культуру с русской того времени, то из Украины шли учителя, как Петр Могила из Киевской академии, со своими книгами, своим церковым учением (другого не было), шли просвещать русскую Москву. Украина тогда была культурнее, чем Москва.

Так было в том далеком прошлом, когда только начала создаваться русская нация. Там тоже не обошлось дело без капитала, ибо русский царизм победил в борьбе с боярами только потому, что он соответствовал развитию торгового капитала. Московские цари-самодержцы — это вовсе не феодальные сеньоры. Напротив, Иван Грозный и другие объединили государство, организовали самодержавную власть в борьбе с феодализмом (боярами). Идя вместе с дворянством (с мелкими помещиками) и опираясь на капитал, они сделались самодержцами. Минин Сухорукий, какой-нибудь новгородец, —

конечно, мы их идеализировать не станем, мы знаем, что когда жен и детей закладывали, то кто-то же их покупал, может быть и сам Минин, он наверно и на военных подрядах наживался, — но его несомненный патриотизм свидетельствует о том, что в борьбе со смутою победило движение буржуазии.

Капитал был в то время в России. Но и на Украине, когда она исчезла с лица земли, превратившись в Малороссию, были уже первые шаги капитала, по крайней мере в его торговых формах. Часть казачества, а в особенности мещанство Украины—этот зародыш украинской буржуазии, на которую опирался и гетман Хмельницкий—они, в известной мере, сделали первые шаги к организации украинской нации. Правда, господствующие классы на Украине сами скоро стали в массе открещиваться от всего украинского, даже от названия, но иногда в социальной борьбе они использовывали национальное знамя. В борьбе части украинского дворянства—помещиков—с царизмом их оппозиционность выливалась частично в национальную форму.

Социальная борьба не только приглушенная силою, но от природы слабая от того, что хилым было развитие экономики, эта борьба иногда приобретала национальные формы. Все это шло сверху и почти не касалось народных масс. Но иногда имели место такие взрывы, как движение крепостных, как казачьи восстания,—движения, которые выдвинули гигантскую фигуру Шевченко, ставшего не только поэтом, но и народным героем. В творчестве Шевченко мы имеем так много элементов национализма потому,

что украинская нация есть нация крестьянская, а само крестьянство в социальной борьбе с крепостничеством выявило через Шевченко национальную революционную идеологию, как мы видим это сейчас в Марокко или в Китае. Это движение было задушено. Сам Шевченко был запоздалым выразителем его. На мужицкой Украине начинает быстро развиваться капитализм. За последние годы — в конце прошлого века, в начале XX столетия — бешеным темпом развивается капитализм в России и еще быстрее на Украине.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА НА УКРАИНЕ

Украина была безусловно колонией, но колонией, вовсе не похожей на какое-нибудь Марокко или Индию. Наоборот, здесь, на Украине, развитие капитализма шло быстрее, чем в метрополии. В сельском хозяйстве у нас были товарные формы более развитые, чем средний масштаб таковых в России. Промышленность развивалась тоже быстрее, чем в Москве. Однако, промышленность эта развивалась не совсем обычным путем: только винокуренные и стекольные заводы, возможно, кое-где развивались постепенно, начиная с мелкого предприятия местного типа, и принадлежали российскому или польскому капиталу, связанному с помещиками, а промышленность Донецкая, Екатеринославская, Николаевская, Мариупольская, Таганрогская, Харьковская представляли собою европейский капитал (французский, немецкий, английский, американский и в большей мере, кажется,

бельгийский). Этот капитал приходил к нам в виде готового оборудования, установленного в виде громадных заводов. Квалифицированные рабочие привлекались из Ленинграда, Москвы, Урала; мастера—из заграницы.

Разве екатеринославский крестьянин, сидевший на плодородной украинской земле в степи, там, где еще и сейчас есть нераспаханная земля (а ведь это ж было лет 30-40 тому назад), разве пойдет он в шахту, или в какой-нибудь прокатный цех, где страшнее, чем в поповском пекле? Туда шел бедняк из губернии, где песчаная почва, где невозможно сеять. Русский пролетарий шел на заводы, построенные на Украине, русский пролетарий в первую очередь.

Медленно, по мере развития капиталистических методов хозяйствования, по мере роста населения и земельной тесноты, появился на заводе и украинский пролетарий, но, придя на эти заводы, он заставал там уже русского рабочего, он попадал в город, где господствовал уже русский язык, русская культура, и новичок переделывался, переваривался в фабричном котле; сбрасывая с себя крестьянские лохмотья, он вместе с тем отходил от мужицкого языка, воспринимал русскую культуру, на русском языке он начинает читать и думать. Так капитал, именно европейский, русифицировал Украину.

Так было. Но капитал всегда несет с собою противоречия. Одна сторона вопроса состоит в том, что капитал русифицировал город и в том числе пролетариат, а другая—в том, что капитал несет с собою конкуренцию, обостряет классовые и групповые противоречия.

В связи с развитием капитализма, подымается своя буржуазия, своя интеллигенция. Она застает свой город уже занятым русской буржуазией, русской интеллигенцией, и тут конкуренция эта переходит в национальную борьбу. Украинское мещанство хочет в борьбе с русским мещанством опереться на украинское село. Всегда так было, что где-нибудь в Австрии чехи рады были перегрызть горло немцам потому, что господствующая национальность их отталкивала, не давала им возможности присосаться к общественному пирогу. Рост капитала вызывает рост всяких противоречий, в том числе и национальных. В связи с развитием капитализма на Украине, опять возобновилось национальное движение, на этот раз уже среди украинского мещанства. Интеллигентские надежды—когда-нибудь господствовать на Украине—отчасти проникали даже в пролетарские круги, часть пролетариата даже увлекалась идеями национального возрождения, ибо царизм до боли угнетал украинскую нацию. Слишком уже издевался он над «хохлом-мазницей». Однако, национальные романтические настроения не проникали глубоко в пролетарские массы Украины, как это иногда и случалось в других странах. В Австрии происходила грызня между пролетариатом разных наций. Грызлись и до сих пор грызутся немцы с чехами, с венграми, даже чехи и словаки—и те на ножах. Это потому, что там успела развиться буржуазная культура, потому. что там национальное развитие происходило исключительно в буржуазно-капиталистических формах. Буржуазии там удалось даже натравить одних пролетариев на других.

ЧТО СПАСЛО РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ ОТ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТИ?

На пролетарской психике буржуазное влияние отражается, да еще и как отражается: даже такой мощный пролетариат, как английский, фактически и до сих пор слепо следовал за капиталистами, примерно, в колониальной политике. Английский рабочий класс никогда серьезно не протестовал против колониальной политики Англии, против издевательства над Индией, против китайской войны, потому что от этого отчасти и он получал пользу. Так развивалась великодержавная психика даже у рабочих. Буржуазия так организовала психику белого английского или американского рабочего, что он, подобно Джеку Лондону, полагает, что он, белый человек,—царь земли.

У нас, в прежней России, этого не было, потому что у нас развитие капитализма, а одновременно с этим развитие пролетариата происходило в совершенно иной обстановке. Не в том дело, что русский пролетарий, дескать, принципиально, лучше английского, а в том, что английская буржуазия имела, чем соблазнить английский пролетариат и материально и духовно. Материально—тем, что, получая определенные прибыли, имела возможность и свой пролетариат держать в руках, духовно—тем, что, имея свою действительно большую, мощную буржуазную культуру—Шекспира, Байрона, Дарвина — естественно, можно было охватить пролетариат и духовно. А у нас наша отсталая, неряшливая буржуазия, наше купеческое «степенство», которое хранило деньги

не в государственном банке, а в «земельном», вот эта буржуазия, которая дала нам духовную культуру Замоскворечья, естественно, не могла дать пролетариату того, что дала английскому пролетариату его буржуазная культура.

Но главное не в духовном моменте, а в том, что Россия сама была колонией того же самого чужеземного капитала, который «господствовал» и у нас в Донбассе точно так же, как и на Урале. То были или бельгийцы, или англичане. Наш пролетариат не имел никаких доходов от колонизаторской политики российского царизма. Нашей буржуазии нечем было привлечь к себе пролетариат. Поэтому у нас раньше, чем в Европе, началось революционное движение.

Вот что характеризует русский пролетариат. Потому, именно, когда у нас жизнь поставила национальный вопрос, дело пошло тоже не так, как в Германии или в Австрии. У нас революция, революционное движение, еще крепче, чем буржуазия, сорганизовала пролетариат в «единую неделимую», только не в ту, какую хотели царизм или буржуазия—национальную Русь, — а в единый монолитный революционный массив. Нет никакой разницы между рабочим, будь он из Москвы или Екатеринослава, будь он из Донбасса или Урала, будь он из Криворожья или Ивано-Вознесенский текстильщик, будь то киевский арсеналец или сахарник из Подолии; нужды, потребности, враги — одни: против российского царизма, против русского урядника, против русской буржуазии. Русская культура господствовала среди пролетариата

не только потому, что так хотелось царизму не только потому, что буржуазия стремилась объединить «единую неделимую», русская культура в значительной мере захватила пролетариат потому, именно, что рост ее шел параллельно с ростом революционного движения.

Это—факт. Это—история. А как все же обстоит дело с нацией? Ленин говорит: «Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман,—все равно идет ли речь про великорусскую, украинскую, польскую, еврейскую, грузинскую или какую-нибудь другую культуру. Сто двадцать пять лет тому назад, когда нация еще не раскололась, лозунг национальной культуры мог быть единым, нераздельным призывом в борьбе против феодализма и клерикализма. Но в то время классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась везде. Раскол «единой» нации на эксплоататоров и эксплоатируемых стал фактом.

«Про национальную культуру вообще могут говорить лишь клерикалы и буржуа. Трудящиеся массы могут говорить лишь про интернациональную народную культуру всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное действительное и искреннее равноправие нации, отсутствие национального гнета, осуществление демократии. Только единство рабочих всех наций, всех рабочих организаций в борьбе против капитала ведет к «разрешению национального вопроса». (Сборник «Про Украину», изд. «Пролетарий» 1924 г.).

«Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций. Это бесспорно, но также бесспорно, что тот будто бы марксист, который, на чем свет стоит ругая марксиста другой нации за «ассимиляторство», на самом деле представляет собой националистического мещанина. К этому малопочтенному разряду людей принадлежат все бундовцы и (как сейчас увидим) украинские национал-социалисты на подобие господ Л. Юркевича, Донцова и К-о». (Сборник «Про Украину», изд. «Пролетарий» 1924 г.).

Так говорил Ленин еще до революции, до того, как началось движение, объединившее пролетарские ряды и русских, и украинцев, и других. Октябрь прошел у нас так, что и в Москве, и в Киеве, и в Екатеринославе, и в Харькове было одинаковое движение, одинаковая борьба. Одна большевистская партия стала во главе рабочего движения. Однако, крестьянин остался украинским, крестьянство осталось украинским. Могло ли оно так, как пролетарий, проникнуться русской культурой?

Нет. Отчасти потому, что у него культуры вообще было слишком мало, ибо у нас неграмотных больше, чем в России. Крестьянство осталось украинским. Вот тут-то и была опасность. В городе легче было при тех условиях вести революционную борьбу, потому что пролетариат был у нас единый и тянулся он к единой революционной культуре, которая принимала русские формы. То, что пролетариат был руссифицирован, отчасти даже благоприятствовало победе Октября. Но это же несло в себе большую опасность, ибо

пролетариат был оторван от села, ибо для села это рабочее движение могло остаться чужим.

Движение не стало чужим, но было много попыток поссорить на национальной почве село с городом.

НА КОГО ОПИРАЛСЯ УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИСТ

Тут появились на сцену «щиренькі»*, которые примазывались к этой революции и стремились использовать ее в своих интересах. Они старались воспользоваться тем, что пролетариат не знает языка, не интересуется украинским вопросом, даже не знает, что существует Украина, не думает об этом и не хочет думать.

Это использовала та мелкобуржуазная украинская интеллигенция, которая была затерта русской интеллигенцией.

Но интеллигенция истории не делает. Если Петлюре, Винниченко и другим удалось организовать Центральную Раду, свое правительство, то это означало, что они опирались на определенный класс, на определенные силы. В 1917 году Центральная Рада опиралась на кулаков и буржуазию.

Кулак на Украине мечтал: вот помещичья земля, сахарные заводы, винокуренные заводы — следует отобрать помещичью землю (на Украине преимущественно русскую и польскую, особенно на Правобережьи). А землю

---

* «Щирий українець» — истинный украинец. Это слово нужно понимать так, как когда-то понимали слово «истинно-русский».

кто возьмет? Не лодырь же, конечно, который ничего не имеет — что он будет ее ногтями царапать? Землю украинскую возьмет кулак.

И вот кулак был за революцию, против царизма, против помещиков, но кулак на то и кулак: и нос у него курносый и мировоззрение его вряд ли идет дальше его носа. Его ограниченности, его непосредственным, хозяйственным интересам именно соответствовал сугубо-зоологический национализм.

Кулак говорил: «вон из украинской хаты, чужестранцы». Своя хата, свой язык, а кое-кто и договаривался — и своя вера.

Совершенно понятно, что кулак хотел сидеть на этой украинской земле, боялся, чтобы не пришли к нему какие-нибудь калужане требовать и себе части. Вот этого кулак боялся, вот этим «щирые» его пугали и советовали отгородиться от этих калужских, тамбовских. «Вон кацапы с Украины», — говорил кулак.

Пролетариат на Правобережьи был слабеньким. На сахарных заводах работал свой брат, а наемный рабочий, работающий на кулака, этот кулаку не страшен. Вот тот, который находится где-то в Ленинграде или Москве, тот пролетариат далеко идет, про Интернационал говорит, — лучше подальше от него.

Кулак — это был один корень украинского национализма, но был и другой — это украинская буржуазия. Правда, когда прочтете газеты или речи 17 года, то вы там не найдете ни одной страницы, где бы не говорилось: что мы, украинцы, все социалисты, что у нас нет буржуазии, такова наша судьба, таково наше

историческое счастье, что буржуазия на Украине—это русские, поляки или евреи, а украинцы—это трудящиеся, это «рабочий люд». Так было и в России. Русские кадеты с Милюковым во главе еще в 1917 г. серьезно ставили вопрос, буржуазная ли их партия, или нет. Они говорили, что среди кадетов могут быть даже социалисты. Тут на Украине украинские социалисты-федералисты тоже были всецело кадетами. Даже некоторые из них были одновременно членами российской кадетской партии. Назывались они «социалистами-федералистами».

С одним из них я частенько беседовал в свое время — с Холодным. Бывало спрашиваешь:—«А что, скажите по совести, почему вы социалист, что у вас социалистического?» Он отвечает: «Социалисты мы потому, что мы ничего не имеем против того, чтобы когда-нибудь был на свете социализм». Я не выдумываю, он еще жив, хотя и заграницей, можете спросить, он подтвердит. Честный человек, он был тогда убежден, что он социалист. Один из немногих персонально честных украинских министров. Он был министром просвещения, мы с ним менялись — то я, то он.

Правда, не было еще такой украинской буржуазии, как русская, например, или польская, или еврейская. Такой еще не было, но для нее было место, какое она имела заполнить согласно всем законам буржуазной экономики. Место для нее осталось.

Когда-то, когда русская буржуазия еще не развернулась, «марксист» Струве доказывал, что Россия пойдет капиталистическим путем. Точно так же и у нас здесь. Были украинские

«Струве», тоже марксистами себя называли, Они полагали, что на Украине сейчас должен развиться капитализм. Тогда, конечно, появится и украинская буржуазия. Пока ее нет, роль приказчиков должны выполнять социалисты.

На первый взгляд в украинском национализме сильнее был кулак; но на самом деле был сильнее не кулак, а буржуа; когда последнего не было—так был его приказчик. Так и в Центральной Раде—была большая рада (т. е. пленум), но была и малая, (т. е. исполнительный комитет большой рады). В малой раде было 50-55 членов. Из них украинских эсдеков было 12-13, а эсеров — 35. Эсеры представляли крестьянство: одни отражали настроение кулака, другие—середняков, возможно и незаможников. Были и левые эсдеки, связанные с частью рабочего класса, были и правые—национал-соглашатели. Таких был 8 или 9. А правительство все ж было эсдековское с Винниченко во главе, ибо у эсеров некому было взять власть.

Бывало, мы шутя спрашивали кое-кого из украинской партии эсеров (в 17 году 360 тысяч платило членские взносы):

— Что же вы, можно сказать, такая хорошая, мощная партия эсеров, а власть в свои руки не берете?

— Так, видите, нет у нас людей, эсдеки хорошо работают — пускай нами управляют.

Кулак сам к управлению не способен. Он может сидеть у себя на хуторе и дальше своих Кобеляк ничего не видит. И он отдается руководству буржуазии, которая знает чего хочет. Я не скажу, что Винниченко хорошо знал, чего он хочет. Это классический путаник.

Такова была его историческая роль, его доля, как приказчика буржуазии.

Эсдеки вели линию украинской буржуазии. Вот кто руководил делом. Эсеры были способны только на то, чтобы, взявши власть, передать ее непосредственно немцам Брестский мир подписали уже эсеры. Тогда уже кулаки разочаровались в своей несуществующей буржуазной власти, в ее приказчиках и пошли прямым путем к буржуазии—надежной, живой, хотя бы и немецкой.

РЕВИЗИОНИЗМ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ

Может, кто-нибудь скажет, что эти разговоры ценны только для истпарта, но не имеют отношения к современности. Нет, имеют, ибо у нас сейчас наблюдается ревизионизм марксистской и большевистской точек зрения на национальный вопрос. При таких ревизионистских попытках пользуются тем, что еще многие из нас не знакомы с теорией национального вопроса, не знакомы даже с брошюркой т. Сталина. Я уже не говорю про толстые книжки Бауэра или Каутского, которые к тому нужно уметь читать, ибо в них есть много чуждого нам, а только про брошюрку Сталина, который ставит вопрос ребром, освещает понимание нации. Многие из нас не знают истории Украины и самой украинской революции. Этим пользуются ревизионисты (я не говорю, что совсем сознательно, это необязательно). Но разве ревизионизм всегда начинается с того, что те, которые ревизуют, с самого начала представляют

себе, до чего они дойдут? Нет, начинается с малого—сначала маленькая щелочка, а за нею вслед пропасть.

Вот что, например, говорят в институте марксизма (не все, что исходит из института марксизма, является марксизмом):

«Прежде всего разрешите вам сказать, что украинская интеллигенция, бывшая автором и идеологом мелко-буржуазной революции на Украине, не стояла за кулацкую революцию на Украине. Это неправда, этого мы не можем сказать. Украинская интеллигенция как раз представляет собою на 75-80% идеологов не кулацких.

«Разрешите все ж таки призадуматься над тем, действительно ли Центральная Рада представляет собой организацию кулацкого характера» (из лекции Яворского).

Вот что сейчас говорится про Центральную Раду, про украинского эсдека Мартоса, каковой был генеральным секретарем (т. е. министром по земельным делам),—того Мартоса, который провел закон, на основанин которого каждому собственнику оставлялось не меньше 40 десятин земли.

Чтобы вопрос был яснее (ибо вы сами истории не знаете и возможно даже, что кто-нибудь поверит Яворскому), я прочитаю вам кое-что из книги Винниченко «Возрождение наций».

«Наша главная опорная сила была в крестьянстве, и то не в голытьбе крестьянской, а в более зажиточном крестьянстве, как более развитом и национально-сознательном (стр. 96).

«Вполне понятно, что незаможнику было безразлично, какой язык, какая культура будет

у него, ибо ему нечего было кушать, и, понятно, более национально-сознательным был кулак».

Дальше Винниченко пишет:

«Мы вырезали из него (из марксизма) жизненную, творческую, активную часть и остались бесплодными, неактивными, жирными кабанами.

«Мы оставили себе от этого революционного, жгучего, полного протеста, гнева и великой воли учения только одну половину: объективный ход событий. Мы переняли у него только то, что нам может дать не зависящее от нашей воли, от наших желаний, механическое развитие социальных отношений.

«О, мы с легким сердцем, с великой охотой приняли такой марксизм. Когда, дескать, человеческое общество разовьется до своего логического конца, когда развитие производительных сил капиталистического строя дойдет до своего неминуемого исторического завершения, когда сами собой созреют новые силы, новый порядок,—тогда настанет социализм, равенство, высшая социальная справедливость» (стр. 91).

«Мы лежали, сытенькие, тешились на мягонькой травке, мурлыкали себе малороссийские песенки и ждали, что вареники социализма созреют на нашем хуторском дереве и будут падать нам в рот. Наши же усилия состояли только в том, чтобы разинуть свой малороссийский ротик и проглотить чудодейственный плод объективного хода вещей.

«Да и то, когда это еще будет. Не в наш век, разве только внукам упадет в рот» (стр. 93).

«Рассмотрим честно и открыто всю нашу деятельность.

«Взять уже хотя бы такой вопрос, как земельный, где мы были и должны были быть наиболее радикальными (ибо в нем заключалось наибольшее значение нашей власти). И мы, в универсале, на самом деле выявили себя радикалами. Но... быть в жизни такими радикалами не смогли. Проведение в жизнь наших решений происходило нерешительно, неуверенно, с оглядкой на помещиков, с прислушиванием к крику фабрикантов, заводчиков. Мы даже должны были давать «разъяснения» господам помещикам» (стр. 111).

Так писал Винниченко еще в 1920 году, а теперь, как видите, дошло до ревизионизма в вопросе о сути Цетральной Рады.

В дальнейшем, возможно, кое-кто из вас заинтересуется историей украинского движения и возьмет, например, книжку Равича-Черкасского «История КП(б)У». Там такой же ревизионизм, только в иной форме. У него написано, что наша партия имеет два источника. Точно, как река Северная Двина: слились Сухона с Югом и пошла дальше Северная Двина. Был большевизм—источник российский, был другой источник—украинский, украинские с.-д., боротьбисты и т. п. и так далее; сошлися и вот пошла теперь уже единая коммунистическая партия Украины.

А отсюда вытекает то, что, дескать, большевики делали свое, украинские социалисты свое, и каждый из них был революционером, возможно еще и марксистом, и каждый из них, разумеется, совершал определенные ошибки. И только объединившись, они пошли правильным путем, рука об руку, в единой КП(б)У, но каждый из них имел равную ценность.

Есть ли основание так думать, так ли на самом деле? Нет, в действительности было так: хребтом большевистской партии являлся пролетариат, русский или руссифицированный пролетариат, отчего эта партия и совершала кое-какие ошибки в области национального вопроса. Но в тот период, когда Ленин писал про ассимиляторов и националистических мещан, и когда мы не шли к УСД и к УПСР, мы правильно поступали, по-ленински. Тогда, когда Ленин это писал, достаточно было принципиального признания теоретического права национальности на самоопределение, вплоть до обособления. Ленин лучше, чем кто-либо другой, отстаивал права украинской нации. Но где и когда Ленин учил, чтобы пролетарское движение на Украине шло вразрез с Россией или, по меньшей мере, обособленно. Наоборот, Юркевичам, которые звонили в «Звонах» («Дзвін» (звон)—украинский марксистский журнал) про украинскую культуру, про ассимиляцию, Ленин говорил так: «Товарищи и граждане, напрасное дело болтать сейчас про то, что будет, как мы победим, Украины в рамках буржуазного строя быть не может. В условиях капиталистического развития Украина не является исторической нацией, она сможет возродиться лишь после победы революции в России. Поэтому необходимо сосредоточить все силы для революционной борьбы на стороне пролетариата, а не выдвигать на первый план национальный вопрос».

Ленин имел основание ставить так вопрос. Мы видим теперь, что даже такое государство как Польша, существует в буржуазных рамках

лишь потому, что мы существуем, ибо, если бы в Москве пала советская власть, Польшу сейчас же растаскали бы. Кто стал бы в условиях буржуазной конкуренции и эксплоатации заботиться об украинской культуре, государственности и т. п.

В свое время Германия это делала. Немцы не в силах были всю Россию того времени проглотить целиком, а украинский хлеб, сало и т. п. были им нужны. Немецкий капитал вел такую линию — хотя б Украину захватить. И потому гетман Скоропадский, который украинского языка не знал, который не успел сам украинизироваться, этот Скоропадский проводил линию полной «самостійности» *. Это нужно было немецкому империализму. Но как под защитой германского империализма чувствовала себя украинская нация, всем известно.

Ленин говорил, что даже с точки зрения буржуазных националистов было бы безумием разделять силы революции. Когда победит пролетарская революция, пролетариат, не заинтересованный в национальной эксплоатации, даст нам определенную возможность: хотите — отделяйтесь, не хотите — будем совместно работать, как это в действительности и произошло в Октябре.

В интересах ли пролетариата отделяться? Разумеется, нет. Однако, в интересах ли пролетариата организовать эту самую украинскую культуру, украинскую государственность? Да, сейчас это в интересах пролетариата.

Вот тут-то мы и подошли к основному факту. Пролетариат, безусловно, заинтересован

---

* Самостоятельности

в развитии Украины, ее культуры, ее государственности. Ибо та украинизация, которую мы сейчас проводим, не является для нас только лишь средством. Имейте в виду, что пролетариат у нас руссифицированный, а крестьянин не украинизован, а просто украинец. Бессомненно, чем дальше будет украинизоваться пролетарий, тем больше будет в украинском городе украинцев, ибо город растет на украинской почве, но пока-что город с селом национально не слились.

УКРАИНИЗАЦИЯ, КАК СРЕДСТВО И СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Оттого что пролетариат руссифицирован, а крестьянская масса—украинцы, возникает опасность. Почему в свое время царизм умел так долго обманывать широкие массы? Потому, именно, что пролетарий и крестьянин, хотя бы одной национальности, не всегда говорят одинаково. Если бы это было не так, то не нужно было бы заботиться о смычке.

Это не значит, что я по-меньшевистски думаю, будто пролетарий и крестьянин не могут итти нога в ногу. Наоборот, я убежден, что ленинскую смычку мы проведем в жизнь. Однако, нам следует помнить, что у крестьянина в одной груди живут две души. Одна душа чувствует эксплоатацию капиталистического строя, а другая—душа собственника; одна душа—трудящегося, а другая—мелкобуржуазная. У пролетария одна душа. Правда, тот или иной пролетарий может быть и

черносотенцем—разве не было отдельных пролетариев в «Союзе русского народа?» Это чуждое засорение, но не пролетарская сущность.

Итак, у пролетария и селянина язык не всегда один и тот же, не всегда они «в тон» говорят, а когда один еще будет говорить по-украински, а другой по-русски, когда один не слышит, другой не «чує»*, а оба друг друга не понимают, то тут совсем, вместо ленинской «смычки», они могут друг друга за чуб «посмыкать»**. Следовательно, знание языка и быта имеет громадное непосредственное значение для революции, и об этом забывать не следует.

Нам кое-кто из «щирих» украинцев намекает:—что вы там с украинизацией своей лезете, не нужна нам эта украинизация, пусть кацап будет кацапом, еврей—евреем, поляк—поляком, а Украина пусть будет для украинцев. Что значит Украина для украинцев? Разве мы против того, чтобы Украина была для украинцев, разве мы за Украину для чужаков, для оккупантов—ни в коем случае. Разумеется, каждая страна для тех, кто в ней живет. На Украине преимущественно украинцы, значит, если хотите, мы можем согласиться с тем, что Украиною должны пользоваться преимущественно украинцы. Однако, лозунг «Украина для украинцев» — перевод американской доктрины Монроэ: «Америка для америкацев». Они люди широкого размаха — и Африка и Азия тоже для американцев, только в Америку никто не сунься, Америка для американских банкиров, американских миллиардеров.

---

* «Чує» значит по-украински слышит.

** «Смикать»—по-украински дергать.

Украина для украинцев это значит — Украина для украинского кулачья, для украинской буржуазии. Вот что это объективно значит и вот почему мы говорим, что это чужой лозунг.

Чего мы хотим? Чтобы как можно быстрей развивалась украинская культура. Мы в этом заинтересованы, и повторяю, что это не только «средство», а если средство, то не такое, как думают националисты. Нам приходится осуществлять социалистическое строительство в неиндустриализованной стране, где нам необходимо организовать теснейшую смычку (сказать по-украински «смичка» — выходит «наоборот», потому буду говорить в русском понимании — «смычка». Должно быть, Ленин не знал украинского языка, ибо выдумал такое русское слово, которого никак не переведешь на украинский язык). Так вот. Что значит в такой крестьянской стране ленинский путь строительства социализма? Это путь кооперации, это путь привлечения миллионов трудящихся к работе советских общественных организаций, к работе кооперации, чтобы понемногу учить их объединять усилия, чтобы не капиталистическим, а ленинским кооперативным путем крестьянство, под руководством пролетариата, пришло к социализму.

Для того, чтобы понять нашу украинизацию, это надо понять в первую очередь. Кто этого не понимает, тот запутается и напутает так, что и ушей не видно будет из меньшевистского болота, тот завязнет по уши в русский или украинский (одинаково) национализм. Я спрашиваю: каким путем вот ту массу, которая сохранила украинский язык и свои вековые обычаи, преимущественно крестьянские, как

ее потянуть ленинскими путями к социализму? Можно ли подойти к украинскому крестьянину с немецким языком? Попробуйте к калужскому или тамбовскому крестьянину подойти с китайским языком, хотя бы то, что вы ему говорите, было марксизмом и ленинизмом на 100 процентов.

Некоторые товарищи жалуются, что украинский язык трудно изучить, трудно украинизоваться. Правда, это не так легко. А как вы думаете: крестьянину, знающему только украинский язык, легче изучить русский, когда его мировоззрение дальше околицы не достигает, когда ему вообще трудно понять такие вещи, как коллективизм? Нет, легче комсомольцу, партийцу, рабочему русского города, квалифицированному, хорошо грамотному, изучить украинский язык, чем крестьянину русский.

Надо строить социализм ленинским путем, втягивать крестьянскую массу не командою. Для того, чтобы командовать, немного надо знать. Возьмите хотя бы воинскую команду— направо, налево, туда, сюда повернись—это просто и это поймут даже если жестами показать. А вот строить социализм с крестьянином—это, знаете, гораздо труднее. Тут словами команды не обойдешься. Тут надо залезть ему в душу, понять ее, чтобы и он понял твою мысль. Вот для чего нам нужна украинская культура, культура по содержанию пролетарская, а по форме украинская. Надо уметь пользоваться местным материалом, понятным для того именно украинца, который вышел преимуществено (пока что) из селянской среды, а также пользоваться не только крестьянской частью украинской культуры,

ибо в украинской культуре есть и другие течения, не только крестьянские, есть и буржуазное наследство, достаточно развившееся, есть и кое-что пролетарское. Украинскую культуру нужно использовать для того, чтобы сделать из нее пролетарское орудие, не просто орудие для руководства, голого руководства, для командования пролетариата над селянством — это было бы глупостью, вредной для революции, — а для того, чтобы путем повышения культуры дать возможность украинцам как пролетариям, так и крестьянам, быстрее понять ленинизм на родном языке, чтобы мы могли без лишних трудностей строить социализм.

Вот как мы смотрим на «средство». Повторяю, есть две стороны «средства». Одна — это трудность для пролетариата сохранить руководство культурным движением, которое развивается и тем свидетельствует про интерес масс к культурному делу, что массы желают лучшей жизни. Другая сторона — расширение и повышение украинской культуры, как средство наилегче, самыми простыми путями, вести украинских крестьян и рабочих к тому, что нам завещал Ленин.

Есть одно замечание: сама украинская культура, какая бы то ни было, даже буржуазная, невозможна в условиях буржуазного развития, тем более невозможно без строительства социализма существование и развитие такой украинской культуры, какую мы хотим иметь.

Само строительство украинской культуры (я прошу это заметить и запомнить) *является составной частью*

общесоциалистического строительства. Точно так же, как мы сооружаем Днепрострой, как строим новые шахты, заводы, точно так же, как мы организуем советскую государственность Украины, — мы должны активно строить украинскую культуру, которая является составной частью общесоциалистического строительства, а вместе с тем является и «средством», так же, как «средством» является Днепрострой и новые заводы, которые, с одной стороны, являются частью социалистического строительства, а с другой — средством сохранить руководство пролетариата и вести крестьянство ленинским кооперативным путем.

ОШИБКИ ПРОШЛОГО

Вот как мы понимаем эту украинизацию.

Всегда ли и все ли так понимали? Скажем просто, открыто — нет, не всегда. Было время, когда КП(б)У повторяла ошибки пролетариата. Было время, когда украинский пролетариат, который вступил в революцию с русской культурой, взял от этой культуры ее революционные элементы и кое-какие мещанские предрассудки. Вы знаете, что у наших пролетариев еще есть предрассудки, даже религиозные, а национальные — еще более сильные. Что ж! 300 лет руссификации напрасно не прошли, не изжито влияние буржуазно-мещанской культуры.

Нельзя сказать, что украинский пролетарий, который в свое воемя руссифицировался, «изменил» нации и тем самым вредил делу революции. С одной стороны, предрассудки,

с другой — чувство пролетарского единства, ненависть к националистическим изменникам революции — все это смешалось. Не обязательно каждый, не понимавший в свое время украинского вопроса, безразлично относившийся к украинской культуре, к ее развитию, был уже и русским шовинистом.

Бывало и так, что он просто не разбирался в вопросе.

Вспомните 1917 г., когда была заострена социальная борьба, когда в Петрограде Керенский дошел до соглашения с Корниловым, когда дело пролетарской революции висело на острие ножа, — как мог пролетариат относиться к суете, которая была в Центральной Раде? Чего, говорил он, стоит этот язык, нация и т. п. Вот где враг — Корнилов, Керенский. И правильно, — там был главный враг.

Правда, Рада тоже вначале шла с нами, не с нами, собственно, а параллельным путем борьбы с русской буржуазией. Мы расшатали буржуазию, ее власть, ее строй — и Рада тоже. Национальное движение, направленное против «единой неделимой», расшатало также Керенского, как раньше царизм. Этим самым национальное движение, в определенной мере, играло революционную роль.

Деятели национального движения субъективно также были революционерами, они самим себе так дело представляли и даже не обманывали в этом других — вплоть до Октября.

Однако, когда началась уже пролетарская революция, выявились две основные силы: пролетарская и буржуазная. Как же вели себя в этой смертельной борьбе украинские

националисты, и Центральная Рада, и самые левые «незалежнi» и «боротьбисти»? Когда из гнилых рук Керенского выпало буржуазное знамя, когда его прогнали из Петрограда, кто в тот момент взял на себя защиту буржуазии на Украине? Те, которые вместе с пролетариатом высказывались против Керенского—Центральная Рада. В тот момент, когда Керенского разбили, Рада принимает вполне большевистский лозунг — «Рада». Игра слов: по-русски совет, а по-украински «рада». Мы говорили «земля», и Рада сказала: «И мы за землю, и к тому еще за порядок», а фактически под этими лозунгами они предали революцию, они творили ту политику, о которой вот что пишет Винниченко:

«И как же могли вот эти обиженные трудящиеся не чувствовать симпатии к большевикам, не верить им, не итти за ними. Большевики действовали только для масс, и потому они верили только в массы, и потому у них были воодушевление, воля, стремление, увлечение, энтузиазм. Мы ж не имели той веры, того увлечения и, следовательно, и не имели доверия у масс. Это было у нас в первый период создавания нашей государственности, когда социальные и национальные моменты сливались в одно сильное, смелое целое. Тогда был и наш энтузиазм и наша непобедимость и непреоборимая, стойкая вера масс. Однако, дальше у нас не хватило смелости, отваги, широты и дальнозоркости мысли. Мы испугались «темных инстинктов» масс, мы устрашились ихней великой простоты, нам не хватило дальнейшего, большего энтузиазма». («Вiдродження нацiї» стр. 95).

Это пишет Винниченко, не я или кто-либо из нас. Вот почему не могли истые пролетарии иначе относиться ко всем тем «щирим» революционерам с красными знаменами и желто-блакитной лентой.

А закончилось это обостренной борьбой, возможно еще более острой чем та, которая велась с Керенским. Начинается обостренная борьба с теми, кто подняли знамя буржуазии — только желто-блакитное вместо трехцветного — классовая борьба, которая временами принимала национальные формы. Снова обратимся к Винниченко:

«Я ехал 8 дней среди солдат, крестьян и рабочих, меняя своих соседей на многочисленных пересадках. Таким образом, я имел возможность видеть в течение этих дней их настроение в разрезе народных масс... Я к тому времени уже не верил в особое расположение народа к Центральной Раде, но я никогда не думал, что в нем есть такая ненависть, особенно среди солдат, особенно среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые, следовательно, не были ни латышами, ни русскими, а своими украинцами. С каким пренебрежением, с какой яростью, с каким мстительным издевательством они говорили о Центральной Раде, о ее генеральных секретарях, о их политике. Но что было в этом действительно тяжелым и страшным, так это то, что они высмеивали одновременно и все украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую («Відродження нації» стр. 259—260).

Винниченко красиво рассказывает, как украинский мужик, не то что пролетарий, глумился

над ненькой - Украиной, ибо она запродалась генералам. А Винниченко видел тех, которые ездили в вагонах, возможно, в значительной мере мешочников, а не тех, которые сами дрались с ненавистной петлюровщиной. Возьмем Баженко, киевского рабочего-плотника. Он был бессомненным украинцем, он до самой смерти не умел, как следует, говорить по-русски. Был он комендантом гор. Дубно, и вот обращается к нему раз какая-то труппа за разрешением поставить не то «Сватання на Гончарівці», не то «За двома зайцями».

«Играть я разрешу, но не на контрреволюционном языке» — так сказал Баженко. Эта резолюция осталась в истории. Это факт. Вот какие были настроения.

Это самое описывает Винниченко. Что же удивительного в том, что пролетарские массы относились враждебно к Украине? Ничего удивительного нет.

Все же вина партии в том, что она не сразу поняла, ибо партия, которая руководит массами, должна была видеть дальше масс. Ленин в Москве это лучше понимал, чем кое-кто из наших товарищей здесь.

Я помню, как сейчас, в Киеве, в конце декабря 1918 года, когда мы делали попытку собрать I Всеукраинский съезд Рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов, приехал тов. Зиновьев. Впервые я его тогда видел и, когда меня представил т. Зиновьеву наш товарищ из киевского комитета, он так сказал обо мне: «Это наш националист». А «националистом» я был, ибо отстаивал мысль, что наш путь к социализму — через строительство советской Украины; если пролетариат может

итти к социализму через Москву, то крестьянин дойдет только через Киев.

Тогда Харькова на Украине не было, т. е. Харьков был, но он Украины знать не хотел. И когда мы из Киева приехали сюда, и когда мы впервые организовали Центральный Исполнительный Комитет и объявили советскую Украину, когда повели решительную борьбу с Центральной Радой, то в Харькове над нами смеялись. Тут на паровозном заводе, еще в 1920 году, мне пришлось говорить товарищам: «Да обернитесь, посмотрите кругом — Украина». А мне тогда отвечали: «Какая там Украина, это выдумка Грушевского. А вы повторяете вслед за ним буржуазные предрассудки. Раз тут Украина, то спросите, говорили, мужика — какого языка он хочет? — Он вам скажет: «Что я своего сына буду учить мужицкому языку, на что мне мужицкий язык?»

Так я пререкался с товарищем - украинцем, который, кстати, по-русски говорил с таким полтавским акцентом, что дай бог всякому «щирому хохлу».

Даже киевская парторганизация сразу не поняла национального вопроса. Отчасти потому, что головка киевской организации была люксембургианской. У Розы Люксембург была ошибка в национальном вопросе, были у нее и еще кое-какие ошибки, но в национальном вопросе — почти самая большая. Роза Люксембург жила в Польше, она знала цену польскому национализму, она знала цену освободительному движению Пилсудского и ей Пилсудский так в печенки въелся, что она возненавидела национально-освободительное движение.

А в Киеве еще в декабре 1917 г. т. Бош говорила: «Сейчас национальные лозунги играют реакционную роль, и потому мы должны эти лозунги отбросить и не затуманивать социальной борьбы национальным моментом, не путать основ марксизма, базирующихся на классовой борьбе».

Это было ошибкой. И вот верхушка киевской организации совершила люксембургиянскую ошибку, признавая лозунг самоопределения реакционным. Но большинство организации так далеко не заходило. Оно о люксембургианстве и не слыхало, а говорило, что ненавидит всякое препятствие к развитию классовой борьбы, а на деле они смешивали национальный вопрос с петлюровщиной, национальную культуру с контр-революцией.

Это было безусловно ошибкой. На этом мы имели большие потери, ибо на наших ошибках держались все националисты, от правых до левых

Однако, товарищи, надо понять конкретную обстановку. Именно потому, что строительство Украины и украинской культуры невозможно в буржуазных условиях, приходится объективно сказать, что тот самый Баженко, который чрезвычайно враждебно относился ко всему украинскому, фактически строил Украину, украинскую нацию в новых формах.

Если кто пробует сейчас ставить вопрос так, что большевики, проводя социальную борьбу, не интересуясь национальным вопросом, стояли в стороне от строительства Украины, а только Винниченко, Грушевский и другие держали в своих руках идею

национального возрождения, то это—ложь. Это ревизия еще худшая, чем ревизия социальной природы Рады. Диалектика жизни состоит в том, что фактически те самые красногвардейцы, которые ненавидели Петлюру и вместе с ним все украинское, те самые, которые в Киеве при Муравьеве чуть не расстреляли Скрыпника и меня — они, а не Грушевские, строили Украину.

Я тоже был под расстрелом, я спасся случайно, в кармане нашелся мандат за подписью Ленина. Скрыпника кто-то узнал. Это нас спасло. Счастливый случай, ибо, когда на улице патруль задержал меня, у меня был украинский мандат: «Всеукраїнська Рада Робітниче-Селянських Депутатів у Харкові». Из-за этой «украинизации» я чуть не лишился жизни. Это было после арсенальского восстания, когда 2.000 трупов валялось на улицах Киева. В железнодорожных мастерских держалась кучка, которая дождалась, пока подоспели красногвардейцы под руководством Муравьева. Там был и я со Скрыпником. Мы вошли в город: трупы, трупы и кровь... Тогда расстреливали всех, кто имел кое-какое отношение к Центральной Раде — просто на улицах. Вот я чуть и не попал.

Но, объективно, те, кто за украинское слово расстреливал — вот кто фактически построил Украину. Разве не на их костях, разве не на крови тех десятков, а может и сотен тысяч, которые не знали, не подозревали даже, что они дерутся за украинскую культуру, разве не на их костях строится сейчас Украина, только советская? Объективно—разве не муравьевцы, которые чуть меня не расстреляли,

разве не они своими руками создали возможность развития украинской культуры? Тот, кто думает, что Украина строилась и может строиться только руками «национально-сознательных», тот обманывает и себя и массы. Этикетки, говорил Маркс, одурачивают не только потребителя; когда на вино наклеена этикетка, что оно столетнее, так это надувают только потребителя, ибо продавец знает и это вино сам пить не станет. Когда же кто-либо наклеивает этикетку на идеологию, называется «марксистом» или «коммунистом», то он и сам, бывает, глубоко в это верит, хотя на самом деле он «националистический мещанин», по выражению тов. Ленина, если он не понимает подлинной увязки социального момента с национальным.

Это верно—строить Украину может лишь тот, кто знает язык и местные условия, да только понимание условий не бывает одинаковым.

Мы, большевики, понимаем так, что пролетариат даже и тогда, когда ошибался, когда он ненавидел все украинское, он все же строил социализм и, как составную часть социалистического строительства, строил Украину.

Означает ли это, что мы можем сказать: «Мы ни в чем не ошибались»? Нет, мы открыто говорили и подчеркивали: ошибки были. Я лично про себя тоже не могу сказать, что никогда не ошибался, возможно я недостаточно настойчиво ставил национальный вопрос, возможно так и бывало. Но в конечном счете разрешала национальный вопрос только партия большевиков.

ТЕОРИЯ «БОРЬБЫ ДВУХ КУЛЬТУР»

В дальнейшем, когда Украина уже была признана, когда организация советской Украины уже стала официальной теорией партии, тогда возникла теория «борьбы двух культур».

Говорили, есть две культуры: одна русская, другая украинская. Пролетариат, и это верно. у нас пользуется преимущественно русской культурой, русским языком, а крестьянство — преимущественно украинской. Но вот дальше уже в этой теории идет неверный уклон, несправедливость, или неправда, или ошибка — как у кого. Теория эта утверждает, что если пролетариат пользуется русской культурой, русским языком, то это еще не значит, что русская культура есть пролетарская.

Вовсе не так. Единой культуры нет, ибо в русской культуре был Ленин, был Пушкин, был Пуришкевич, был Николай II — кто только не был. Нет единой культуры. Кто говорит о культуре, как единой, тот националистический мещанин, как говорил Ленин. То же самое и с украинской культурой. Был Петлюра, есть еще и до сих пор Грушевский, и есть Скрыпник — что между ними общего? Есть советская Украина и есть «Нова Україна» (такой журнал издается в Праге). Если пролетариат пользуется русской культурой, то это еще не значит, что она является пролетарской культурой. Это и логическая и политическая ошибка. Логическая ошибка — это еще так-сяк. А политическая — это хуже.

Правда, что русская культура выше. Что значит выше? Это значит, более развита, богаче. В русской культуре, что хочешь,

найдешь. Она уже успела вырасти до уровня мировой культуры, она уже может итти наравне с английской, французской культурой. Украинская культура долгое время была придавлена, коль скоро даже евангелие запрещалось печатать на украинском языке. Этого достаточно, чтобы понять, что украинская культура не могла нормально развиваться.

Однако, опасно было брать социальные процессы в статике, а не в динамике. Конечно, проведение украинизации отчасти может привести к определенному снижению культурного уровня. Разве, когда мы в вузы стали принимать не гимназистов, а рабфаковцев — разве это не привело к снижению культурного уровня? Привело, а мы на это и шли. Почему? Не только потому, что нам нужны были свои люди. Поговорите с профессурой, которая подходила с опаской, если не отрицательно, к рабфаковцам. Она говорит, что такого хорошего материала она еще и не знала.

То же самое и с украинизацией. Проведением украинизации мы расширяем базу культурного развития на многомиллионное крестьянство и часть рабочих, которые были отрезаны от культуры русским языком. Мы пойдем на кое-какое снижение культуры, тем более, что оно будет временным — несколько месяцев, год-два — пока выкуем украинскую терминологию, напечатаем достаточно книжек, подготовим учебники, а тогда никакой разницы не будет. Вот как стоит вопрос.

Так вот, в КП(б)У было сначала отрицательное отношение к национальному вопросу, а потом эта пресловутая теория «борьбы двух культур», которую при помощи Ленина

мы одолели, но не сломали и поломать и не собирались. Кое-кому и хотелось, возможно, сломать хребет партии, ибо нашим хребтом является пролетариат, преимущественно русский по культуре. Взять хотя бы какого-нибудь пролетария, нашего коренного старого большевика. В национальном вопросе он до последнего времени путал, даже не хотел понять неизбежности этой самой украинизации.

Как мы должны подходить к такой категории? Можно ли сказать: убирайся отсюда вон из хаты. Этот наш пролетарий в национальном вопросе может кое-что и «напутать», но в основном он не выдаст. В основном — как на каменную скалу можно на него опереться.

Ломать хребты не следует, но нужно переубедить. Мы можем уже сказать, что вопрос сдвинут с мертвой точки, масса уже сейчас принимает нашу линию и чем дальше, тем лучше будет понимать, чем для нас является украинизация.

Еще раз повторяю, она является составной частью строительства социализма и одновременно средством строить этот социализм, средством сохранить пролетарское руководство в общественно-строительной работе крестьянства.

Ошибки были, но, как и Винниченко признался, массы не могли не пойти за большевиками. Вот почему мы и говорим: партия имеет большевистский корень, хотя б она и ошибалась кое-когда в отдельных вопросах.

Ибо есть ошибки и «ошибки». Пролетариат может иногда ошибаться. Большевики могли

ошибаться в конкретном вопросе с украинизацией, но пролетариат есть пролетариат. Партия была и осталась пролетарской, большевистской, тогда как все украинские национал-социалисты были идеологами мелкой буржуазии или даже пролетариата (незалежники и УКП), но только того пролетариата, который проникнут буржуазно-националистическими предрассудками.

Только потому, что фактически мы строили советскую Украину, нам удалось перетянуть на свою сторону и даже расколоть их идеологов, т. е. украинские националистические партии.

Одна за одной они раскалывались, ихние левые крыла, опиравшиеся на часть пролетариата и имевшие связь с незаможницкими слоями крестьянства, в конце концов, отрешившись от своих ошибочных националистических взглядов, распускали свои партии и вливались в нашу, превращались в большевиков. Большевиками не родятся. Большевиками становятся (за битого двух небитых дают). В борьбе становятся.

Ленин нам завещал, чтобы русские товарищи боролись в первую очередь с руссотяпством, какого и сейчас еще достаточно, а местные товарищи, чтоб в первую очередь обращали внимание на местный, как вот на Украине, — украинский, шовинизм.

Нельзя поэтому ставить вопрос: на кого направить огонь? На руссотяпство ли, или на мелкие националистические уклоны. Нельзя сравнивать этот вопрос с постановкой на XIV съезде вопроса о кулацком уклоне или панике перед кулаком,

О ТЕМПЕ УКРАИНИЗАЦИИ

Вопрос об украинизации, если уже хотите аналогии, можно сравнить с вопросом об индустриализации. Украинизация нам нужна, да еще как, и индустриализация нам нужна.

А можем ли индустриализироваться без конца, без ограничения в отношении средств, например, так: сегодня Днепрострой, завтра Волго-Дон, всадить все средства, ничего не закончивши? Такой способ индустриализации может привести к тому, что не мы ее уже закончим, а американский или бельгийский капитал. Вот как будет стоять вопрос, если мы слишком перекрутим. А ведь мы не против индустриализации, наоборот, это троцкистская ошибка утвержать, будто мы тормозим дело. Троцкий, Преображенский и другие говорят: «С мужика сдери, вложи в заводы — будет товар и полное благополучие...» Не так просто это делается. Можно надорваться.

Есть и другой уклон: средств не затрачивай на эту индустриализацию, будем сидеть в нашей аграрной стране, а товар будем привозить из заграницы: он там есть готовый и даже более дешевый.

Так и с украинизацией. Украинизация нужна, но в этом вопросе не нужно перекручивать до бесчувствия, ибо если б кто-либо попробовал рабочего (привыкшего к русской культуре) насильно украинизовать, то он напоролся бы на сопротивление не меньшее, чем то, какое дал бы мужик неистовым индустриализаторам, которые захотели бы из его шкуры строить нашу социалистическую промышленность.

Поставивши чрезмерно широкую программу (будь то индустриализации, будь то украинизации), можно сорваться так, что стихия (хозяйственного и культурного роста) пошла бы против нас, тогда как нам необходимо вот этот рост и эту стихию направить по ленинскому пути социализма. И, наоборот, можно себе представить противоположный, слишком медленный темп, который привел бы к тому, что культурный рост пошел бы мимо и, следовательно, против нас и требовал бы также иностранной эмигрантской интервенции (уже не товарной, а культурной).

Оба уклона в одинаковой степени привели бы к размычке между пролетариатом и крестьянством и, наоборот, к смычке этого крестьянства (по крайней мере, его собственнической души) с городской буржуазией. Какой уклон хуже? Они оба одинаковы своей вредностью. Для поезда одинаково скверно соскочить с рельс—вправо или влево под откос.

Вот почему необходимо следить, чтобы, не сходя с рельс ни в сторону национальной украинской романтики, ни в сторону руссотяпства (равнодушия к нацинальному вопросу), провести поезд революции через украинизацию, как и через индустриализацию к полной победе социалистических элементов как в материальной, так и в духовной культуре нашей страны, пока все еще преимущественно крестьянской.

Страна крестьянская, а руководство должно быть пролетарское, иначе крах революции и возврат назад в помещичье-буржуазное ярмо.

Вот о чем нельзя забывать, обдумывая темп и программу развития как индустриализации, так и украинизации.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ НАЦИОНАЛИЗМА

Теперь два слова относительно руссотяпства. О руссотяпах забывать не следует. Жив Курилка. Каковы соцальные корни руссотяпского уклона? Во-первых, русская буржуазия, мещанство, а за ними русский «спец», который пыжится своей старой культурой (что там говорит Шевченко, что он дал? что вы там имеете в своей украинской культуре?) как будто защищает русскую культуру, а по сути держится, как вошь в кожухе, за должность, за место, которое еще занял при царизме и—сидит до сих пор.

На Украине не трудно было бы эти корни выдернуть, не такие они толстые. Но нужно отметить, что они тысячами нитей связаны с русской буржуазией и спецами из Москвы. Спец не хочет потерять здесь свое место. Он связывается крепко с московским спецом. Оттуда он и питается. К тому он еще имеет глубокие корни в прошлом. За спиной его старые вековечные традиции — русская культура, а это не пустяк. Он пользуется традициями, он громко кричит, что будто бы «пролетарская культура погибает». Когда нужно удержать позиции, то даже худшая часть спецов (которая и до сих пор мечтает о нашей гибели), кричит о том, что, дескать, пролетарская культура погибнет от украинизации и на кое-кого они влияют, даже на кое-кого из коммунистов.

Выступление Ларина на сессии ЦИК'а, например. Правда, Ларин несерьезный политик, он за острое словечко родного отца продаст, —лишь бы выйти на кафедру да поиздеваться.

Но не только Ларин, кое на кого влияют старые традиции и шум, который поднимают все «обиженные украинизацией», «замученные», «несчастные люди».

Мелкая буржуазия, особенно интеллигенция, кричит громче всех. Крестьянин молча сидит, пока не взорвется. Пролетарий говорит, но не так громко, а мещанская интеллигенция, как недорезанный поросенок, визжит по малейшему поводу. Она берет голосом — такова ее судьба — и временами бывает, что одного напугает, кое-кому голову заморочит, а коекого криком и слезами убедит.

Таковы корни русского шовинизма, они существуют и еще долго будут жить. Еще раз подчеркиваю: от тех корней корешки тянутся и к пролетарской психике, даже психике членов партии, не говоря уже о комсомоле.

С другой стороны, имеются ли корни украинского шовинизма? Скажем — кулак; ну, его немножко раскулачили, но психика у него осталась старая, он до смерти не забудет, что когда-то его незаможник общипал. Другой корень — нэповская буржуазия.

НЭП, КАК ПОЧВА ОЖИВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Нэп — вот здесь основная заковыка. Надо уметь понимать жизненные противоречия. Нэп — двойной процесс, и если кто думает, что нэп является просто возрождением капитализма, тому придется прийти к своеобразному возрождению национализма. Нэп — двойной процесс, нэп несет противоречия, нэп, действительно, дал возможность разви-

ваться капиталистическим формам хозяйства, а на этой почве вырастает и капиталистическая идеология.

Капиталистические формы, растущие наряду с социалистическими, дают себя знать. Трудности будут возрастать вплоть до того момента, пока не наступит решительная и бессомненная победа социалистических элементов в строительстве. Ибо растут и капиталистический и социалистический элементы, и спор идет только о том, кто растет быстрее и кто имеет больше перспектив победить.

Можем ли мы сказать, что мы настолько опередили капиталистические элементы, что опасности нет? Этого еще сказать нельзя. Одна, хотя бы и большая, страна в капиталистическом окружении, да еще и при таком низком экономическом и культурном уровне еще долго будет в опасности. Не следует только впадать в панику.

Точно так и тут на фронте идеологическом. Поскольку сейчас возрастают трудности нэпа, поскольку укрепляются (не в относительных, а в абсолютных цифрах) кулачество и нэповская буржуазия, постольку это отражается и на идеологии, ибо на базе развития капиталистических элементов возрастают и элементы буржуазной идеологии. А необходимым, неизбежным элементом буржуазной идеологии является шовинизм. Точно так, как элементом социалистической, пролетарской идеологии является интернационализм, элементов буржуазной идеологии без национализма быть не может. Буржуазный «интернационализм», как и пацифизм—это то же, что «сапоги в смятку»—или других надувает, или сам себя дурачит.

Так вот на почве этого повышения абсолютных цифр благосостояния нэпмана и кулака вырастают элементы буржуазной идеологии, т. е. национальный шовинизм. Буржуазия мечтает про ренессанс, про возрождение, я вам сейчас прочту, что пишет Устрялов.

«Еще живо европейское здоровое сознание, жива общеевропейская культурная сознательность, жива европейская культура. Мы, как и всегда, отстали от Европы, нам нужно у нее учиться, не отворачиваться от нее и тем более не пренебрегать ею. «Найти себя» мы сможем только в союзе с Европой, только осознав себя европейцами, Россия сможет сказать «свое слово», но для этого ей вовсе не нужно итти походом на запад, ей нужно на него опереться, ей нужно базироваться на европейской культуре». И дальше он приветствует ренессанс русской культуры (разумеется, буржуазной).

Это писал Устрялов — русский сменовеховец. Украинские сменовеховцы пишут то же самое, только в украинском переводе. Они мечтают о ренессансе, но и мы тоже за ренессанс, мы вполне убеждены, что ренессанс в украинской культуре не то, что будет, а уже начался. Украинская культура быстро растет.

Было громадной ошибкой считать, что украинская культура должна лишь только повторять то, что проделали уже другие нации, например, Москва—Россия. Это несомненное и вредное руссотяпство. Мы должны знать не только все, что накоплено в русской литературе, но и во всемирной.

Ленин говорил, что мы должны учиться, как хозяйствовать, как организовать производство,

учиться работать, ибо мы не имеем НОТ'а, американизма у нас нет.

Ленин призывал учиться у Европы, у капиталистов, занять у них денег, ума, но не психологию. Мы убеждены, что, взявши все, что человечество до сих пор накопило в своем культурном арсенале, мы пойдем дальше, ибо мы искренне убеждены, искренне верим в творчество масс, которые из своих миллионных рядов выдвинут идеологов. Мы расширяем базу культуры и с нее, как с трамплина, культура сможет быстро двинуться вперед и вгору, догоняя и перегоняя Европу.

Безусловно, мы за ренессанс, мы за то, чтобы украинская культура развивалась, как культура пролетариата, как та культура, которая войдет в семью мировых культур составной и нехудшей частью. Но каким путем пойдет развитие украинской культуры? Мы констатируем кое у кого представление, что нэп — это капиталистический путь развития. Если это так, то тогда, вполне понятно, оживится буржуазия, и на Украине широко развернется борьба двух национальных культур. Русская культура занимает все позиции, как же Украина (буржуазная) может тогда не враждовать с русской культурой?

Такое представление тесно связано с ошибочным пониманием общего экономического и политического процесса.

ОШИБКИ ХВЫЛЁВОГО И ТЕХ, КТО ЗА НИМ

Если стать на той базе, что нэп приведет к победе капиталистических элементов, то тогда логичной и является концепция Хвыле-

вого, которого комсомольцы читают и, повидимому, думают о нем: какой это умный парень, ума палата, все перечитал — и Энгельса, и Маркса,—прямо плехановская постановка.

Он сам «хвилюеться» (волнуется) и других «хвилює», а кое-кто пользуется этим и пускает его наперед — пускай он говорит то, что им самим неудобно. Какой «щирий» может, например, открыто выступать в советской печати, в советском журнале? Если б он выступил, тогда бы все соответствующие учреждения—ГПУ и т. п.—вцепились бы ему в бороду.

Другому нынешние условия мешают высказаться, и он сам молчит.

А что пишет Хвылевый?

«Когда какая-нибудь нация (об этом уже давно и не раз писалось) проявляет свою волю на протяжении веков к выявлению своего организма, как государственной единицы, тогда всякие попытки так или иначе задержать этот природный процесс, с одной стороны, задерживают оформление классовых сил, с другой — вносят элемент хаоса уже в мировой общеисторический процесс. «Смазывать» самостийность с пустым псевдомарксизмом значит не понимать, что Украина до тех пор будет плацдармом для контрреволюции, пока не перейдет того природного этапа, какой прошла западная Европа в периоды оформления национального государства».

Это чисто идеалистическая трактовка: нация чего-то хочет, она сама из себя выбивается, кому-то морочит голову. А дальше вполне логичный, с точки зрения буржуазного идеализма, вывод, что Украина должна пойти

таким природным путем развития, какой прошли остальные нации, как, например, Италия, которая на наших глазах уже объединялась, Италия, которая прошла буржуазную революцию своеобразным путем национально-освободительной борьбы, под руководством Мадзини, при участии Гарибальди. Хвылевый, признает, что Украина пойдет, должно быть, этим итальянским путем. Он представляет себе, что сейчас не XX век, а XIX, отсюда ставится вопрос, является ли Украина колонией или нет. Невинный вопрос. Это то же самое, что спросить, был ли Ленин русским императором, или нет. Хвылевый себе не представляет, что та самая Москва, к которой он враждебно относится, может пойти другим, не капиталистическим путем. Разумеется, если бы Москва пошла капиталистическим путем развития, Украина была бы колонией. Это правильно на все 100%. Безусловно, иначе бы не было. Отсюда он и выводит, что в наших условиях есть угрожающие явления: «украинская общественность, окрепнув, не помирится со своим фактическим, если не де-юре, декретированным гегемоном — русским конкурентом».

Это пишет коммунист.

Я не буду повторять всю чепуху, которую несет Хвылевый. Об этом надо специально писать. Однако, надо разобрать, в чем дело с этим Хвылевым и другими... В основном вопрос состоит в том, что кое-кто даже из членов партии запутался в понимании исторического процесса. Из постановки оппозицией на XIV съезде вопроса о нэпе неизбежно возникает Хвылевый, ибо капиталистический

процесс ведет к национальной борьбе, а социалистические элементы в представлении Хвылевого где-то затерялись. Он их не видит. Когда на авансцене борьба двух буржуазных культур, тогда остается только решить для себя вопрос — на чью сторону стать. Точно так, как говорил каждый меньшевик-оборонец: на чьей стороне бороться — на стороне ли английского или немецкого империализма, ибо разрешения вопроса путем пролетарской революции он не видел.

«Марксизм» у Хвылевого (и его сторонников) целиком выявляется в основной постановке: Европа или просвіта?

ЕВРОПА ИЛИ ПРОСВІТА? САТАНА ИЛИ ДЬЯВОЛ?

Хвылевый видит пуп земли в вопросе: «Европа или просвіта?».

Ленин в свое время говорил, что в борьбе с мелкобуржуазной отсталостью нам следует использовать не только пролетарскую индустриализацию, но даже и государственный капитализм (концессии и т. п.). Ленин писал, что за науку (ибо нам у буржуазии много чему научиться нужно — технике, методам работы, организации производства, торговле, делопроизводству и т. п.) заплатить не жалко. Ленин прекрасно понимал, куда бы нас завели вот эта мужицкая ограниченность и хуторянская идиллия, если не одолеть ее электрификацией, не вовлечь в кооперацию с индустриальным пролетариатом.

Только Хвылевый и те, которые с ним, положительно ничего не раскусили из ленинской

диалектики, а потому и попали пальцем в небо. «Европа или просвіта?» — в такой форме ставить вопрос, — это то же самое, что рассуждать, что лучше: сатана или дьявол? Оба они, по-нашему, сволочи одной чертовской породы.

Правда, просвещенные европейцы и просвитянские хуторяне дерутся между собою. Киевские академики, неоклассики и т. п. решительно отмежевываются от всяческих «запорожців за Дунаєм», от этнографизма, сладенького гопака, вареников и т. д. Но нужно уметь понимать, за что идет борьба, действительно ли эти «европейцы» борются с кулаком? Нет, не с кулаком они борются, а за кулака. Городская буржуазия или ее приказчики прекрасно понимают, что сами по себе они мало что весят, единственная реальная сила против соввласти — это кулак. Кулак — пушечное мясо для контрреволюции, но мясо безголовое, а потому и идет борьба за кулака за то, кто его возглавит. «Европейцы» хотят не просто направить украинскую культуру на путь европейской техники, не в этом вопрос, они хотят кулака из Кобеляк вытянуть на европейский путь развития вообще, они хотят, чтобы кулак правую руку подал «европейцам», а левую «азиатскому ренессансу», т. е. восточному рынку, чтоб этот кулак стал лицом к Черному морю, а к Москве спиною.

Это борются не против кулака, а за кулака, это борьба за смычку буржуазии и ее интеллигентских приказчиков с кулаком, а затем и с середняком, с его собственнической душой. Вот в чем вопрос.

И когда ведется дискуссия, собираются все старые академики, все буржуазные литера-

торы и слушают нашего «марксиста» Хвылевого, слушают, хвалят и говорят: — «Марксист, ну, такой уж марксист, что дальше некуда. Хорошо, парень, старайся. За таким марксистом и мы пойдем»...

Хвылевый-то божится — вы мне, говорит, поверьте, ей-богу, я марксист, (это он к Дорошкевичу обращается). Дорошкевич прекрасно понимает, какой из Хвылевого марксист, но Дорошкевич умный человек, а вот Хвылевый не понимает, что его марксизм перешел уже в струвизм. У Хвылевого, говорят кое-какие тоже «марксисты», плехановская постановка. Правда, плехановская, но не того Плеханова, который был основоположником марксизма в России, а того, который в конце своей жизни организовал партию «единства» — единения с буржуазией.

Вот пример — статья Хвылевого «Камо грядеши». В конце там говорится, что киевский буржуазный литератор Зеров принадлежит к той части молодой интеллигенции, которая, в силу исторических обстоятельств, не сразу связалась с пролетариатом. Но дальше Хвылевый говорит, что эта самая часть интеллигенции должна стать основной составной частью пролетариата и его культурного строительства, ибо, говорит он, даже наши друзья не всегда понимают, что если мы хотим учиться у Европы, то вопрос не только в технике, а и в психологии; потому нам, говорит Хвылевый, и психологии у Зерова надо учиться.

Ленин тоже говорил, что надо учиться у буржуазии, даже платить ей за науку, но учиться не буржуазной психологии. Буржуазной психологии мы учиться не будем, мы

должны ее изучить, чтоб понимать врага, чтоб уметь с ним бороться, а не заимствовать, как говорит Хвылевый, у Зерова. В другом месте Хвылевый говорит: — «Что за беда, что за зло, если мы в своих взглядах сойдемся кое в чем с буржуазией (и даже с фашистами)? Когда Устрялов принимает программу российской коммунистической партии, то разве эту программу надо менять?».

Устрялов принимает программу компартии: Хвылевый вполне в этом убежден.

Так вот и выходит, что такой Хвылевый марксист, как сам Устрялов коммунист. Для настоящего коммуниста такой вывод ясен, и только для тех, которые не стали большевиками, это — «плехановская постановка».

Хвылевый сам еще боится дойти даже до крайности, он не хочет отдавать партийный билет.

Там, на том берегу сидит Донцов, буржуазный националист-фашист, он когда-то был социал-демократом, а теперь дошел, что называется, до точки. Однако, Донцов умный человек. Он говорит: «Хвылевый уже к нам приближается. Правильно, иди, иди сюда». Хвылевый это знает и клянется: ни в коем случае до этого не дойду. А по сути идет туда. В чем дело? В том, что нет у него уверенности в социалистическом строительстве. Вот в чем дело, неверие в строительство социализма, а коль скоро есть неверие в то, что мы построим социализм, вообще, и, в частности, украинскую пролетарскую культуру, тогда скверное дело.

Если нет веры, то приходится менять и психологию, приходится искать веры. Если

нет веры в социалистическое строительство, то остается нация. Это понятно.

Как можно без веры что-нибудь строить? Если б мы искренно не верили, не так, как верили в бога, а опираясь на факты, что наше строительство на самом деле идет к социализму, что, в конце концов, социалистические элементы победят, если бы не это, то что вы думаете, легко было бы жить в нэповском окружении? Кто этого не понимает?

У Хвылевого есть такие слова: «пошла серая осень по серым закоулкам республики». Кроме серой осени он ничего сейчас не видитс Вот в чем дело — в неверии. Это вопроо серьезный, ибо нэп — сложная штука, особеннв для молодежи. Те, которые увлечены были е свое время романтикой революции, которы- не умеют как следует разобраться в противоречиях нэпа, замечают только его отрицательные стороны — ресторан, кафе и т. п. Ходит такой парень по городу и думает: «Эти шелка не для себя мы ткали. Эти куклы не для наших детей»... Так пишет один из наших поэтов.

Вот до чего доходит... Коли дошли до такого положения что в нэпе не видят ничего, кроме шелка, буржуазных кукол, которые «не для наших детей», кроме ресторанов и кафе, то на самом деле — за что мы боролись, за что кровь проливали, расстреливали, рвали «белое тело» своей матери?

Этот поэт ничего не понимает. Это ясно, но это показывает, что такие настроения есть даже в комсомоле. Нэп — это такое испытание, которое не каждый выдержит. Противоречия велики, надо иметь крепкую закалку, чтобы выйти из этих противоречий.

Здесь на Украине классовые вопросы переплетаются с национальными, вследствие чего это может привести к тому, что кое-кто из нашей молодежи может сбиться на путь возрождения национализма с его романтикой, с той романтикой, которой ей сейчас недостает в будничной работе.

Буржуазия жива, она растет в связи с противоречиями нэпа, и она рада ухватиться за каждого, кто зашатался. За нею, с одной стороны, европейская культура, а с другой — романтика национального ренессанса.

Не только ренессанса, даже буржуазного, не даст тот, кто думает, что сейчас идет «серая осень по серым закоулкам республики», кто думает, что тут чувства коллективизма вообще нет и доказывает это тем, что, мол, «когда умирает один человек, его жалко, а когда тысячи трупов лежат на поле брани, их не жалко». Можно-ж дойти до такого трупного сравнения, до такой дохлятины, что когда один человек умрет — жалко, а тысяч трупов, которые легли на поле брани, не жалко. Правда, формально это верно, а по сути — это-ж гниль, это характерное трупное сравнение того гнилого интеллигента, который выдает себя за пролетария. Чорта лысого — какой пролетарий его послушает. Это тот самый гнилой интеллигент, который в свое время был увлечен революционной романтикой, а когда мы подошли к строительству жизни, той жизни, которая нужна массам, к таким мелочам, как сапоги, мануфактура, цена на хлеб и т. п., — то он — выше этого. Как же ему этим интересоваться, когда он «сильная индивидуальность», его не удовлетворяет «серая пролетарская масса».

Это не я выдумал, это в нашем журнале «Червоний шлях» за 1924 год так написано, что потому у них, т. е. у молодых поэтов, пафос «жестяный», что им, сильным индивидуальностям, трудно итти с серой пролетарской массой.

НАДО СТАТЬ ВО ГЛАВЕ СТРОИТЕЛЬСТВА УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как же мы национальный вопрос развяжем? Какие задачи ставим мы себе в строительстве украинской культуры?

Откуда у нас в партии, в комсомоле наибольшая опасность? Со стороны руссотяпства. То, что у нас и до сих пор есть еще инерция и равнодушие к национальному вопросу, вообще, к украинизации, в частности; то, что в наших рядах есть еще сознательные или несознательные руссотяпы — не дает нам, именно, развить борьбу против других уклонов. Тем самым мы отдаем тех парней и девушек, которые не понимают этого вопроса, которые зашатались, — возможно случайно, — в руки врагов, опасных тем, что имеют острое оружие. Национальный вопрос, национальное противоречие в стране, которая 300 лет была угнетена, в стране, где и до сих пор во многих сердцах живет чувство старой национальной обиды, в такой стране национальное знамя — опасное оружие.

Не случайно бандитизм на Украине длился больше, чем где-либо. Он имел идеологический цемент, который объединял, который давал возможность привлечь круги, недоброжелательно относившиеся к советскому строительству, к борьбе с нами.

Теперь борьба продолжается в других формах, формах влияния буржуазной идеологии на нашу молодежь, на наших комсомольцев, вузовцев; и нам, чтобы быть хорошо вооруженными, нужно овладеть языком, и не только языком, а нужно засучить рукава и приняться внимательней, чем до сих пор, за строительство, за возрождение украинской культуры. Одними чужими руками ничего не построишь.

Вот почему основная задача, которая стоит перед нами—это борьба с руссотяпством. Мы должны выяснить корни этого руссотяпства, его социально-историческое значение, его вредность, но тут требуется не только разъяснение массам, но и активная работа нашего актива в этой области.

Наш актив мы будем принуждать: хочешь не хочешь, пищи не пищи, а будешь говорить на украинском языке. Научишься. Если ты комсомолец, партиец, если ты хочешь руководить массами и вести их к социализму, ты должен взять это оружие в свои собственные партийные и комсомольские руки. Принуждать рядового рабочего, даже партийца от станка, трудно и заставлять их административными мерами мы не будем. Таких нужно принуждать в порядке товарищеского убеждения, это мы тоже должны и будем делать.

Разве у нас нет товарищей и тут, среди вас, родившихся не на Украине, но говорящих на украинском языке? Так вот, когда они заговорят, когда они будут знать и язык и обстановку, пускай же тогда кто-нибудь попробует бросить им — «вон из Украины»; мы дадим такому по зубам, ибо Украина для социализма, а не для «щирых» украинцев. Социализм

можно построить только через советскую Украину, а потому и нужна украинизация. Но вовсе не обязательно для строительства советской Украины иметь стаж в националистических партиях или в националистических уклонах.

Масса партийная, комсомольская, городская, рабочая далеко еще не украинизировалась, и мы к тому простого рабочего насиловать не будем. Скажем открыто, было бы безумием насиловать его или увольнять за то, что он не украинец. Надо создать все условия, чтобы понемногу, постепенно он приучался к украинскому языку, чтоб он прежде всего понял, что русская культура принципиально нисколько не выше и не ниже украинской, что это окраска, а не содержание, что русская культура не более пролетарская, чем украинская. В данный момент она богаче, развитее, но ведь французская будет, пожалуй, еще более развита. Однако, не станем же мы калужского крестьянина просвещать по-французски. Украинская культура более доступна для украинских масс, и поэтому основная наша задача сделать ее орудием социалистического строительства и культурного подъема масс. Нужно в первую очередь разрушить основы руссотяпства, вскрыть его классовые корни а вместе с тем, помочь русифицированному украинцу овладеть украинским языком, украинской культурой.

Вывески, надписи надо писать на украинском языке, чтобы рабочий понемножку привыкал, но нельзя перебарщивать, ибо процесс украинизации пролетариата — сложный и долгий процесс. Мы не можем ставить вопрос о

«деруссификации пролетариата» (это термин Грушевского). Вопрос не в «деруссификации» пролетариата, а в его украинизации, а это не одно и то же. Пролетарий остается русским, но может изучать украинский язык. Вовсе не нужно, чтобы он писал письмо в редакцию: «До сих пор я был русским, в чем раскаиваюсь, а сейчас я украинец». Этого не надо. Мы у него метрики спрашивать не будем, откуда он: калужский или тамбовский.

Итак, борьба двух культур идет, но не в том разрезе. Идет борьба культуры буржуазной, старой, со старыми традициями, и молодой, пролетарской, которая только что расправляет крылья.

Эта борьба идет, и в этой борьбе мы всецело на стороне пролетариата.

Будем пользоваться всем, чем можно, от буржуазной культуры, не чуждаться ее достижений. Но переводить борьбу пролетарской культуры с буржуазной на борьбу национальных культур мы не позволим.

А для того, чтоб этого не позволить, нужно в первую очередь вывести из своих рядов остатки руссотяпства, вывезти в мусорную яму и поджечь, чтобы не осталось ни у партийцев, ни у комсомольцев ни крошки руссотяпства, чтоб была не только формальная украинизация, а чтоб мы сумели овладеть строительством украинской культуры.

Это та задача, которую история ставит перед нашей партией перед комсомолом, перед пролетариатом. Другим путем социализма не построишь. Вот почему, товарищи, мы сейчас так остро ставим вопрос об украинизации.

Мы убеждены в том, что одолеем, но для того, чтобы одолеть, нужно самим украинизоваться как следует, так как ставит этот вопрос партия, как это решено и зафиксировано в тех постановлениях партии, которые мы вынесли на последнем пленуме ЦК КП(б)У.

Нужно только, чтобы решения эти не остались решениями. Очень часто у нас выносят постановления и на этом успокаиваются. Бывает так, что и этого достаточно, бывает так, что достаточно осудить какой-нибудь уклон: не склоняйся на ту сторону—и все. Тут иначе. Постановление об украинизации требует активной работы. Вы выносите решения, так вы должны браться за работу по украинизации. Украинизация—это не «постановление», это не «признание» просто самоопределения нации, украинизация—это не значит: вы украинизуйтесь, а я пойду отсюда, найду себе работу в Москве.

Украинизация не является просто принципиальной основой, а украинизация — это активный процесс, в котором стоит вопрос так же, как в нэпе — кто кого? Или стихия вырвется из-под нашего руководства и нас затопит, или, наоборот, оседлаем, сядем верхом на стихию и, управляя ею, войдем в социализм. Вот как стоит вопрос. Точно так, как и в вопросе о нэпе, нельзя рассуждать так: пускай себе растет хозяйство, а мы будем радоваться тому, что возрастает нэп, производство, рядом с ресторанами увеличивается количество товаров, хлеба и т. д. Этого слишком мало. Надо овладевать ростом, давая перевес социалистическим элементем. Это

активный процесс и нужно быть самим активными. Вот что, товарищи, необходимо запомнить.

А В КОМСОМОЛЕ ЕЩЕ НЕТ СДВИГА В ДЕЛЕ УКРАИНИЗАЦИИ

Комсомол, который охватывает стотысячную массу, имеет еще слишком маленькие достижения в деле украинизации. Это опасность, большая опасность, товарищи.

Нужно, чтобы на следующем пленуме ЦК ЛКСМУ доклад делал уже не я, а чтобы я только слушал о тех достижениях, какие вы будете иметь в своей работе. Если же вы сегодня станете мне рассказывать о достижениях, то я не поверю.

Тут ссылаются на диаграммы национального состава комсомола.

Но что в этих диаграммах? Что украинцев много в комсомоле? — Правильно. А что вы сделали, чтобы украинизировать свой актив? Слишком мало.

Много ли у вас есть способных делать доклад на украинском языке?

Дело не только в отдельных личностях. Нужно уметь организовать дело украинизации. Этот вопрос касается всего комсомола, его ЦК, а потом и всего актива.

В комсомоле еще нет того сдвига, какой есть уже в партии. (Рассуждают примитивно: мы интернационалисты — долой украинизацию). Это характерно для психологии молодежи, юношества. Диалектики она часто не может одолеть. Диалектика для юношества — это научная категория. Юношество читает Маркса,

Каутского, но когда спрашиваешь: знаешь?— «знаю», а понимаешь?—«нет».

Так и с диалектикой. Вы знаете, на какой странице что написано, но на самом деле диалектикой еще молодежь не овладела, ибо понимание этой диалектики дается житейским опытом.

С нэпом нельзя просто: «Бери, ребята — даешь». Нэп—это сложная штука. Итти по пути нэпа не легко. На этом пути много трудностей, и, в первую очередь, чтобы пройти свой путь, вам нужно над собой много работать, активу и комсомольской массе нужно понять пафос строительства социализма.

Тогда не страшны никакие трудности, тогда никаких уклонов в сторону национальной романтики не будет, тогда вы поймете и диалектику национального вопроса, как вот мы в борьбе с национализмом, мы, интернационалисты, строим национальную культуру, как средство интернационального объединения всех наций на путях освобождения человечества.

ТЕЗИСЫ ПЛЕНУМА ЦК КП(б)У ОБ ИТОГАХ УКРАИНИЗАЦИИ

1. С самого начала своего существования большевистская партия положила в основу национальной политики, вытекающей из ее классовых социалистических задач, полное право наций на самоопределение. На этой позиции она стояла все время. До Октябрьской революции такая политика партии обеспечила ей сочувствие и поддержку широких масс национальностей, угнетенных русским царизмом и русской империалистической буржуазией. Октябрьская революция дала возможность нашей партии осуществить на практике право наций на самоопределение, разорвавши принудительные узы, связывавшие народы, угнетенные царизмом, но одновременно же Октябрьская революция расчистила почву для братского сотрудничества и интернационального объединения трудящихся масс всех этих народов. В ходе своего дальнейшего развития, на основе проведенного в жизнь права наций на самоопределение, Октябрьская революция выработала конкретные формы этого сотрудничества, вылившиеся, в конечном счете, в организацию Союза Советских Социалистических Республик с обеспечением всех прав национальных меньшинств. В Союзе ССР трудящиеся массы всех объединившихся равноправных республик нашли ключ к окончатель-

ному разрешению национального вопроса и уничтожению всех следов национального гнета, унаследованных от прошлой истории. Следы эти еще теперь сохраняются в лице пережитков русского шовинизма (как в госаппарате, так и в психологии определенных групп населения), в постепенно суживаемом фактическом хозяйственном и культурном неравенстве различных национальностей Союза ССР, устранение которого требует длительной и упорной работы, и, наконец, в пережитках национализма у ранее угнетенных народов.

Беспощадно борясь со всеми перечисленными остатками национального гнета и неравенства, партия видит в их уничтожении одну из основных задач и одно из необходимых условий социалистического строительства в духе пролетарского интернационализма.

2. Освобождение Украины от тисков нацонального гнета последовало в результате победоносной Октябрьской революции. Длительная гражданская война, происходившая на территории Украины, велась не только против господства помещиков и буржуазии. Ликвидировав это господство, она, вместе с тем, вырвала с корнем основы национального и государственного рабства, в котором в течение веков держал украинский народ русский царизм и русская империалистическая буржуазия. Однако, эту борьбу рабочему классу Украины, под руководством партии большевиков, пришлось проводить не только против едино-неделимой российской контр-революции, но и против украинской националистической мелкой буржуазии. Если до Октябрьской

революции движение последней имело, несомненно, революционное значение и сыграло свою роль в падении сначала царской, а затем буржуазно-империалистической власти, то, начиная с Октябрьской революции, украинская националистическая мелкая буржуазия, возглавляемая партиями УСД и УПСР, выступает перед нами, как сила контр-революционная, которая, хотя и прикрывается лозунгом государственной независимости и освобождения Украины, но, на самом деле, продает эту независимость налево и направо, ориентируясь сначала на германский, потом на антантовский империализм, заигрывая даже с генералом Деникиным, а, в конце концов, заключая союз с польской шляхтой ценой раздробления и отдачи под ее власть значительной массы украинского народа (Западной Украины). В руках мелкобуржуазных украинских политиков, являвшихся орудием иностранных империалистических сил, национальные лозунги, так же, как и социалистические, служили лишь средством обмана трудящихся масс.

3. Однако, в ходе борьбы, даже та часть трудящихся масс Украины (в частности, крестьянство и интеллигенция), которая была введена в обман и свое недоверие к старой России переносила на русских пролетариев и на советскую власть Украины, постепенно освобождалась от обмана и, после известного периода шатаний и колебаний, примыкала к советской власти. Этот процесс находил свое выражение в разложении украинских национал-социалистических партий эсеров и эсдеков.

Правда, ему мешали глубокие националистические предрассудки даже в среде откалывавшихся элементов, лишь очень медленно изживаемые. В частности, левая часть украинских эсеров, хотя и выступавшая против Центральной Рады и с январского восстания 1918 года ставшая на путь борьбы за советскую власть и сотрудничества с большевиками, вела и после этого колеблющуюся политику, оставаясь некоторое время внутри партии эсеров. Только в начале июня 1918 г. она окончательно разорвала с правой частью УПСР и образовала самостоятельную партию боротьбистов. УСДРП, если не считать маленьких отколов от нее в конце 1917 года и начале 1918 г., раскололась еще позднее, в конце 1918 г., когда из нее выделилась партия «незалежников», которая после ряда отколов и расколов образовала УКП. В конце концов, лучшие элементы, вышедшие из украинских социалистических партий (в первую очередь, незалежники, боротьбисты, укаписты), отказавшись от своих ошибочных позиций и приняв коммунистическую программу и тактику, вошли в состав нашей партии, придя, таким образом, к ленинизму. Партия завершила победу на фронте гражданской войны победой и на этом участке идейного фронта.

4. Специфические условия исторического развития Украины, вызвавшие руссификацию украинского города и большей части пролетериата, с одной стороны, с другой стороны — ожесточенная борьба с контр-революцией, возглавлявшейся украинскими социал-шовинистическими партиями, наличность у некоторых товарищей, руководивших нашей

партией на Украине в первые годы гражданской войны, люксембургианских взглядов на национальный вопрос,—все это привело к тому, что украинская партийная организация вначале недооценивала значение национального вопроса в революционной борьбе на Украине, а некоторые товарищи доходили даже до отрицания самого существования украинской нации. Отсюда проистекало непонимание ленинского разрешения национального вопроса, недооценка значения украинского языка и развития украинской культуры, как могучего средства культурного подъема масс, как основного орудия закрепления смычки рабочего класса с крестьянством и как необходимого условия для строительства социализма.

5. Однако, уже в период германской оккупации КП(б)У признала задачу строительства Украины, как отдельного советского государства, наличие украинской культуры, существование украинского языка (а не наречия). Тогда-то на сцену появилась неправильная, немарксистская и неленинская теория борьбы двух культур (украинской и русской), при нейтралитете партии и совласти (или даже при содействии их признаваемому неизбежным процессу руссификации).

Естественно, такая теория, при ее проведении в жизнь, неминуемо должна была повести к еще большему заострению национальных противоречий и углублению культурной пропасти между большинством рабочего класса, с одной стороны, и крестьянством, с другой. Фактически, она лила воду на мельницу шовинистов из обоих лагерей. Украини-

зация партии и госаппарата в первое время шла чрезвычайно медленно, русский аппарат таким и оставался к полному удовлетворению русской мелкой буржуазии города, являющейся главной носительницей великодержавного шовинизма. А тем, что советский аппарат, по своему языку, не соответствовал украинским массам, пользовались украинские шовинисты.

Лишь с большим трудом, при непосредственном участии т. Ленина, и притом далеко не сразу, а постепенно, удалось переломить недоучет национального вопроса и неправильное его понимание в среде руководящей части партии. Еще с большим трудом удавалось провести правильную линию в национальном вопросе в среде партийных масс. Только после XII съезда партия окончательно и твердо порвала с теорией борьбы двух культур и вступила на путь активной украинизации, ставя себе задачи:

а) Овладение всей партийной организацией Украины украинским языком, изучение социально-политических и исторически-бытовых условий Украины.

б) Партийное руководство строящейся украинской культурой при активном органическом участии партии в ее строительстве.

в) Большевистское воспитание, втягивание в активную работу и выдвижение украинских партийных кадров (в первую голову — из рабочих и крестьян).

г) Укрепление Украины, как государственного организма, и закрепление ее связи со всем СССР. Вовлечение широких масс коренного населения в государственное и хозяй-

ственное строительство: приближение госаппарата к массам путем комплектования его из людей, «знающих язык, быт, нравы и обычаи местного населения» (резолюция XII съезда).

6. За последний год со времени постановки вопроса об украинизации на апрельском пленуме 1925 года, мы имеем крупнейшие достижения в области украинизации. В государственных учреждениях процент делопроизводства на украинском языке достигает 65, в то время, как в начале прошлого года он равнялся 20 проц. Госаппарат в районах и округах работает уже по преимуществу на украинском языке. Низшая школа украинизирована на 80 проц. (остальная часть обслуживает нацменьшинства). Систематически идет вперед украинизация средней и высшей школы. Несмотря на все трудности, пресса украинизирована на 60%. В текущем году переведено на украинский язык свыше половины школ политграмоты на селе. Развертывается украинизация школ политграмоты в городе. Процент украинцев в партии с 37 поднялся до 47, а в комсомоле с 50 до 61. Подвинулся вперед процесс украинизации профсоюзов, особенно связанных с селом. Основным достижением за последний год следует считать несомненный сдвиг в сознании партийных масс в сторону понимания смысла и необходимости украинизации. Все отмеченные достижения являлись результатом твердой, правильной и решительной линии и работы, проведенной ПБ ЦК КП(б)У в области украинизации. Отрицание этого достижения может быть результатом лишь панической недооценки силы и способностей партии

претворять в жизнь правильную национальную политику.

Было бы неправильно, однако, и переоценивать достижения, ибо такая переоценка может затормозить дальнейшее проведение и углубление украинизации. Главные трудности остаются впереди. Мы еще не имеем решающих результатов в области украинизации партии, а без этого для партии чрезвычайно затруднено руководство все развивающимися и осложняющимися культурными процессами среди украинских масс; именно поэтому требуется максимальное напряжение сил и воли партии для дальнейшей работы по украинизации.

Разумеется, было бы несерьезным и легкомысленным требовать от партии, чтобы она закончила такую работу в течение короткого времени. Наша партия на Украине опирается на рабочий класс, большинство которого говорит на русском языке. Точно так же русским по происхождению является большинство наших старых большевистских кадров. Партия должна проводить политику украинизации таким образом, чтобы не оторваться от рабочей массы и тем не привести к отрыву рабочего класса от крестьянства. С другой стороны, подлинное строительство социализма на Украине немыслимо без вовлечения в дело хозяйственного и культурного строительства широких рабочих и крестьянских масс, возможного лишь в форме укрепления советской Украины и развития украинской культуры. Замедленный темп украинизации, в свою очередь, приводил бы к отрыву селянства от рабочего класса.

Основная трудность—сохранить в этом процессе пролетарское руководство. Политику украинизации мы должны проводить, прежде всего, опираясь на наши основные большевистские партийные кадры, но не путем их искусственного отстранения. Отсюда необходимое требование дифференцированного темпа проведения украинизации.

Требуется умелый подход в деле проведения украинизации среди рабочих, различение между руссифицированными рабочими, употребляющими смешанно-украинский язык, и коренными русскими рабочими, внимательное отношение к нацменьшинствам и строгое обеспечение их интересов. Однако, осторожное проведение украинизации в среде рабочих не означает ни в малейшей степени ослабления агитационной и пропагандистской работы, направленной к тому, чтобы авангард рабочего класса овладел украинским языком, как орудием строительства социализма и смычки с крестьянством. Вместе с тем, оно не должно означать какого-либо ослабления общей работы украинизации, проводимой партией в стране. Наоборот, именно теперь более, чем когда-либо, от партии требуется усиление общего темпа украинизации, овладение стихийно растущим процессом украинизации.

7. Развитие нэпа, рост капиталистических элементов хозяйства как в городе, так и в селе означает рост буржуазии и обострение национальной борьбы в ее среде. Такое обострение неизбежно связано с ростом шовинизма как русского, так и украинского (а также еврейского и др.). Рост шовинизма в среде раз-

вивающейся буржуазии оказывает несомненное влияние на крестьянские, а также, конечно, в более слабой степени, и на рабочие массы. Все это находит свое отражение и на настроениях внутри партии, тысячами нитей связанной с окружающей социальной средой. Те политические трудности, которые вытекают из хозяйственного роста страны в условиях нэпа (дифференциация села, аграрное перенаселение, усиление кулачества и частного капитала)—все это на Украине осложняется национальным вопросом.

8. XII съезд нашей партии в апреле 1923 г. установил, что основное препятствие к разрешению национального вопроса и устранению национального неравенства заключается в пережитках русского шовинизма, имеющего прочные корни в прошлом и питаемого вновь развивающимися в условях нэпа частно-капиталистическими отношениями.

Социальные корни русского шовинизма на Украине залегают в толще русского городского мещанства (буржуазии) и в интеллигентско-спецовской прослойке. При этом нужно подчеркнуть, что русский шовинизм на Украине имеет могучую поддержку в массах русского мещанстра вне Украины. За его спиной старые, далеко еще не изжитые предрассудки насчет «украинского наречия», насчет превосходства русской культуры и т. п. («разговоры о преимуществе русской культуры являются не чем иным, как попыткой закрепить господство русской национальности»,—гласит решение XII съезда).

Тысячами нитей шовинистически настроенные работники нашего советского аппарата

связаны с обслуживающими союзные аппараты специалистами, которые до сих пор сплошь и рядом необходимую для дела пролетарской революции централизацию пытаются использовать для борьбы с экономическим и культурным развитием национальных республик. С великодержавным и бюрократическим шовинизмом, влиянию которого поддаются иногда и члены партии, партия будет вести решительную борьбу. Наряду с влиянием русской, мещанской, насквозь великодержавной стихии на рабочих и даже членов партии, мы имеем до сих пор довольно широко распространенный как среди пролетариата, так и среди партийцев русского происхождения своего рода национальный нигилизм, безучастное, а порою и пренебрежительное отношение к национальному вопросу, прикрывание фразами об интернационализме.

Партия обязана вести решительную борьбу как в своих собственных рядах, так и в пролетарских массах с предрассудками русской и руссифицированной части пролетариата, с извращениями интернационализма, с лжеинтернационализмом, руссотяпством, шовинизмом. Партия должна разоблачать перед пролетариатом всю реакционность русского шовинизма, раскрывая его корни, историческое происхождение и пр. Партия должна упорно, систематически и терпеливо разъяснять рабочему классу Украины его ответственность за укрепление смычки с украинским селом, должна убедить его принять самое активное участие в украинизации путем изучения украинского языка, ознакомления с историей и т. д., укрепляя пролетарское

руководство растущим культурным движением. Партия должна позаботиться о создании благоприятной обстановки для украинизации пролетариата украинских промышленных центров. Однако, первое условие украинизации пролетариата — это реальность расчетов во времени (вопрос о темпе) и отсутствие административного принуждения, так как такое принуждение неизбежно вызовет сопротивление и усиление шовинистического влияния на рабочих со стороны русского мещанства.

Мы можем, должны и будем принуждать к изучению украинского языка советского служащего, обязанного обслуживать нужды населения (в большинстве своем украинского). Мы должны украинизировать партийный аппарат, должны подогнать в этом отношении руководящий партийный актив, подтягивая к этой работе всю партийную массу и принимая систематические меры к переводу на украинский язык внутрипартийной работы. Но партия решительно отмежевывалась и отмежевывается от какого бы то ни было проведения украинизации сверху, насильственными, административными мерами, по отношению к рабочим и крестьянам других национальностей.

Ни в каком смысле не стоит вопрос о том, чтобы заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский.

Несомненно, что состав пролетариата Украины будет меняться по мере ее промышленного развития, по мере притока из села все новых и новых кадров украинских рабочих

Несомненно, что состав пролетариата Украины будет, таким образом, украинизироваться, как мы имели уже аналогичный процесс в целом ряде стран (Чехословакия, Венгрия, Латвия), но это процесс длительный, естественный. Заменить этот естественный процесс, заменить одновременно идущий с ним процесс постепенного приобщения не украинской части рабочего класса к украинскому культурному строительству насильственным проведением украинизации сверху — значит проводить вредную националистическую политику.

9. Решительно борясь с пережитками русского шовинизма, являющегося главным препятствием на пути к разрешению национального вопроса, партия одновременно должна вести борьбу и против украинского шовинизма. Этот шовинизм, бесспорно, растет в деревне за счет кулачества и связанной с ним части сельской интеллигенции. Все еще недостаточно удовлетворительное материальное положение основных групп сельской интеллигенции (учителей, агрономов, врачей), само собой разумеется, только благоприятствует усилению кулацкого влияния на них. Точно так же, несомненно, что это влияние кулачество будет пытаться оказывать и на другие слои крестьянства.

Украинский шовинизм растет также и в городе за счет, пока еще малочисленной, но все усиливающейся выходцами из села украинской мелкой буржуазии и интеллигенции, а также спецов и служащих украинизирующегося советского аппарата, связь которого с украинской мелкой буржуазией сейчас усиливается. Усиливающаяся украинская мелкая

буржуазия будет, чем дальше, тем больше, пытаться оказывать влияние на пролетариат и даже на нашу партию.

10. В настоящее время среди украинских литературных групп типа неоклассиков и в кругах высшей интеллигенции мы наблюдаем идеологическую работу, рассчитанную как раз на удовлетворение потребностей растущей украинской буржуазии. Характерным для этих кругов является стремление направить экономику Украины по пути капиталистического развития, держать курс на связь с буржуазной Европой, противопоставляя интересы Украины интересам других советских республик.

Такие взгляды нашли себе известный отклик в выступлении некоторых членов нашей партии, поддавшихся чуждому влиянию, вновь выдвинувших теорию борьбы двух культур, требующих от партии решительной поддержки украинской культуры, как таковой, против русской культуры, как таковой, и забывших совершенно ясные указания В. И. Ленина по данному вопросу.

«Когда речь идет о пролетариате,—противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре тоже в целом означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма».

«Если украинский марксист дает себя увлечь вполне законной и естественной ненавистью к великороссам-угнетателям до того, что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение на пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуаз-

ного национализма». (Ленин: «Национальный жупел ассимиляторства» — том XIX). Брошенные в печати лозунги ориентации на Европу «прочь от Москвы» и т. д. в высшей степени показательны, хотя пока что касаются вопросов культуры и литературы.

Такие лозунги могут только служить знаменем для растущей на почве нэпа украинской мелкой буржуазии, которая возрождение нации понимает, как буржуазную реставрацию, а под ориентацией на Европу, несомненно, подразумевает ориентацию на Европу капиталистическую — отмежевание от цитадели международной революции — столицы СССР — Москвы.

Этим путям буржуазного развития мы противопоставляем наш пролетарский путь. Партия стоит за самостоятельное развитие украинской культуры, за выявление всех творческих сил украинского народа. Партия стоит за широкое использование строющейся украинской социалистической культурой всех ценностей мировой культуры, за решительный ее разрыв с традициями провинциальной ограниченности и рабского подражания, за создание новых культурных ценностей, достойных творчества великого класса. Но партия это делает не путем противопоставления украинской культуры культурам других народов, а путем братского сотрудничества рабочих и трудящихся масс всех национальностей в деле строительства международной пролетарской культуры, в которую украинский рабочий класс сумеет вложить свою долю.

11. Для борьбы с растущим в селе и в городе украинским шовинизмом партия должна

не тормозить, а решительно проводить украинизацию, направляя ее не только на поверхность, но и вглубь, и беспощадно борясь с великорусским шовинизмом, в значительной степени создающим почву для оживления и украинского шовинизма среди масс.

Партия должна воспитывать всех своих членов, в том числе вошедших в процесс революции украинских товарищей и подрастающий молодняк, в духе ленинского понимания национальной политики ведя борьбу с проявлениями националистических уклонов внутри партии.

Принимая во внимание сложность проведения национальной политики на Украине, а в особенности проведения украинизации, ЦК предлагает всем товарищам, имеющим практические предложения и соображения в области нацвопроса, доводить о них до сведения ЦК или местных парторганизаций, а местным парторганизациям дает директиву с особенным вниманием и чуткостью относиться к этим предложениям и заявлениям, устраняя имеющуюся в тех или других случаях отчужденность или противопоставление коммунистов друг другу по национальному признаку.

12. Практические задачи партии, вытекающие из всего вышеуказанного, сводятся, в основном, к следующему:

а) Неослабное продолжение проводившейся с особенной твердостью после апрельского пленума 1925 г. политики украинизации, в первую голову—украинизации партии, проработка всей партией и ЛКСМУ теории и практики национального вопроса на Украине с заострением борьбы против руссотяпства, обессиливающе-

го партию в деле руководства растущей украинской культурой, подогревающего украинско-националистический уклон и затрудняющего усвоение ленинской национальной политики членами партии, не усвоившими ее —

б) Разъяснение широким массам (прежде всего, пролетарским массам) причин, смысла и значения проводимой партией украинизации. Упорная систематическая работа по украинизации пролетариата с учетом всех условий. Особенное внимание должно быть обращено на профессиональные союзы, объединяющие украинские пролетарские массы, а также на комсомол, в частности, на комсомольский актив.

в) Решительная борьба с антимарксистской и антиленинской теорией борьбы двух культур как в ее русской, так и в украинской разновидности.

г) Энергичный отпор украинским националистическим уклонам, марксистское их разоблачение с одновременным сугубо внимательным и товарищеским отношением к ошибающимся товарищам.

д) Создание большевистских кадров, способных вести не только идейную борьбу, но и созидательную работу на фронте украинской культуры. Усиление внимания этому фронту, в особенности, по линии печати, литературы, тщательное изучение выходящей литературы. Усиление наблюдения и руководства всей издающейся литературой.

Всесторонняя поддержка со стороны парторганизации вплоть до низовых ячеек украинизуемому центральному органу партии «Коммунист» путем широкой организации выписки, распространения, укрепления связи с местами.

е) Уделение специального внимания вузам и совпартшколам, обучающейся там молодежи и преподавательскому персоналу, в особенности, подбору и подготовке последнего; в связи с этим необходимо неослабно проводить дальнейшее улучшение работы в институте марксизма, в университете им. Артема и на курсах окружных партработников.

ж) Партия должна усилить вовлечение в работу партийного аппарата и на руководящую советскую работу коммунистов-украинцев, сочетая при этом сохранение старых, коренных, ленинских большевистских кадров с привлечением молодых украинских сил.

з) Одновременно необходимо обратить внимание на усиление работы по вовлечению в советский аппарат беспартийной украинской интеллигенции.

и) Категорически отвергая всякие тенденции, направленные к разрыву созданных общими интересами, традициями совместной борьбы и закрепленных Конституцией связей УССР с другими советскими республиками, партия будет вести дальнейшую работу по укреплению СССР на базе существующей Конституции при обеспечении самодеятельности и развертывания государственного строительства УССР.

Цена 45 коп.

Р.

